

The background image is a photograph of the Grand Gallery (Galerie des Glaces) in the Palace of Versailles. It shows a long, ornate hall with a high ceiling, large arched windows on the right, and several large, multi-tiered crystal chandeliers hanging from the ceiling. The floor is made of polished wood in a herringbone pattern. The walls are decorated with intricate carvings and paintings. The overall atmosphere is one of grandeur and historical elegance.

ВЕРСАЛЬСКИЕ КРУЖЕВА

Сергей Тюленев

Сергей Тюленев

Версальские кружева

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611032
Версальские кружева / С.Л. Тюленев: ЭРА; Москва; 2012
ISBN 978-5-905693-42-7*

Аннотация

Так бывает, что невозможно что-либо сделать. Так бывает, что усилия, нервы и переживания не приносят желаемого результата. Но именно это и поставлено во главу угла этой странной истории.

Белорусский олигарх готов справиться с любым посягательством на свою богатую жизнь. Он уверен, что деньги и связи решают все.

Глеб Белов, – а это третья книга, рассказывающая о его жизни, разрабатывает операцию Версальские кружева: внедряет в семью олигарха опытного армейского разведчика, делая все, чтобы именно поражение обернулось победой.

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	90
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Сергей Тюленев

Версальские кружева

*Автор выражает огромную признательность
людям, чьи действия и работа привели к созданию
этой книги.*

Часть 1

Михаил сидел на втором этаже дачи прямо напротив открытого]окна. Солнце уже садилось, легкий осенний ветерок играл желтеющей листвой фруктового сада, яблоки, набравшие сок и сладость, висели прямо над оконной рамой.

Он любовался закатом и получал огромное удовольствие от глотка скотча и аромата сорванного прямо через окно фрукта. Тихонечко надкусывая его зубами, он чувствовал, как крепкая кожица рвется, издавая хруст, а сладко-кислый сок, смешиваясь с послевкусием от виски, приятно ласкает горло.

– Замечательно! Нашел хороший дом, годовая аренда четыре тысячи долларов – недорого и вполне прилично. – Михаил посмотрел по сторонам, разглядывая стены и потолок. – Да, начало хорошее! Завтра тут кое-что поменяю, переставлю мебель, – так сказать: вдохну жизнь в этот уснувший ди-

зайн, и... понеслась... – Он поднялся с кресла и потер ладони друг о друга. Настроение было отличным, алкоголь добавил прыткости мыслям, и он решил еще раз прокрутить в голове предстоящую встречу.

– Значит, так... Задача не понравиться, нет. Задача – запомниться. Причем, так, чтобы любопытство и интерес продырявили их мысли вопросами и зудом нетерпения. Буду начинать спокойно, без лишней суеты и по-богатому уверенно. Расскажу о своем бизнесе в Москве, покажу фотки яхты в мобильнике, места любимого и частого отдыха, словом – весь материал, что подготовили для меня в офисе.

Он снова налил себе виски и спустился по лестнице вниз, к камину. Присев на диван поближе к огню, Михаил, продолжая размышлять, стал смотреть, как языки пламени, играя желтым и фиолетовым, с треском съедают сухие дрова, отдавая приятное тепло его лицу.

– Интересная картинка получается... – произнес он вслух. – Дерево растет долго, мы десятки лет любимся красотой лесов, но лишь быстротечное горение огня завораживает настолько, что мы не можем отвести взгляда...

Он выпил виски залпом и, поставив стакан, присел на корточки перед камином.

– Скоро, очень скоро я разожгу тут большой пожар, а дровами в моем костре будут ложь и патологическая тяга к роскоши. Я обязательно найду, господа местные олигархи, то, что будет трещать по швам в вашей жизни и гореть так же

ярко, как и этот огонь! Пойдем, друг Мишка, – обратился он сам к себе во втором лице. – Посмотрим еще раз на информацию, собранную вами в трудах и заботах... – Он поднялся, провел рукой по пыльным фигуркам гжели, плотно стоящим на каминной полке и, снова вернувшись на второй этаж, открыл компьютер.

– Масюкович Виктор Васильевич, сорок девять лет, родился в Бресте, – он принялся вслух и нараспев, словно декламируя стихи, читать файл, – школа, институт, в советское время – директор универмага, грамоты за хорошую работу, ударник коммунистического труда. Перестройка. Руководит торговыми базами области и потихонечку начинает путать карманы, впрочем, отчетливо понимая, что наступило время для умного воровства. Строит себе первый дом. Сначала как все – в деревне, на земле своей матери. Начинает заниматься нефтью, по квотам СНГ получает печной мазут за копейки, закачивает все в хранилище и, добавляя присадки, создает «дизельное» топливо, которое продает на заправочных станциях республики... Сукины дети! – Михаил отвлекся от текста. – Сколько сельхозмашин заporоли!! В Прокуратуре засветились, но, на лапку положив – открутились! А тут... – Он снова вернулся к тексту. – Еще лучше! Этот так и вообще утруждать себя не стал – поменял команду, завел руку в министерстве и бензин, получаемый из России, по льготным – между странами СНГ – ценам, стал перепродавать Польше! Покупает себе две квартиры на одной лестничной площад-

ке в самом центре города... Причем, наверное, в качестве насмешки или из полного чувства безнаказанности – окнами прямо на здание КГБ. Денег не считает: мебель французская, ковры персидские, люстры чешские, паркет тиковый, окна вакуумные, кухня немецкая... Не дом, а сплошная демонстрация богатства и роскоши. А нефтепродукты льются рекой, наполняя расчетные счета в оффшорных зонах и Швейцарских банках... И тогда Виктор Васильевич принимает решение заняться строительством. Покупает бетонный завод, открывает иностранное предприятие по производству панелей и блоков, оформляет льготное налогообложение сроком на пять лет. Да... – Михаил перестал читать и снова посмотрел на яблоки, висящие за окном. – Отлично мне помогли ребята из отдела разведки – такую шикарную информацию собрали! А белорусы, так те просто молодцы – сделали все быстро и оперативно, водки со мной в ресторане попили, да еще и спасибо сказали! Вот и СССР давно нет, и страны разные, а дружеские отношения и поддержка – остались... Учредителем нигде не числится. – Вернулся он к работе над документами. – Все какие-то мусорные секретарские компании на Кипре и Виргинских островах, адвокаты, да генеральные доверенности... Когда жареным запахло, партнеры твои все разбежались, а ты, значит, у нас тут ничего не боишься, хвосты свои попрятал в иностранных банках, и живешь себе! Ну, и как же ты у нас тут живешь?.. – Михаил открыл следующую страницу. Читая эти материалы уже

не в первый раз, он ерничал. Его веселило, как белорусский «буржуа» маскировался и светился одновременно. — ...Развелся, долго содержал молодую любовницу. Делал дорогие подарки, был спонсором Дома моделей... — Михаилу неожиданно стало очень весело: Масюкович был предсказуем. Чем больше он воровал и присваивал, тем сильнее он хотел нравиться окружающим. — Бывшая жена, — продолжил он, смотря файл, — Нина, сорок восемь лет, развелась с ним семь лет назад, сейчас живет одна в собственной квартире, машина — джип БМВ, не работает. Так, интересно... тут надо разобраться: на какие средства она существует?.. Мужчин даже в друзьях нет, ведет уединенный образ жизни, верующая. Дочь — Ангелина, двадцать три года... Боже, какие имена! — Он улыбнулся, в голову пришла мысль: «Чем примитивней люди, тем заковыристее имена они дают своим детям», а вслух продолжил: — Вышла замуж шесть месяцев назад, живет в квартире мужа, детей нет, тоже не работает. Машина — джип Мерседес. Постоянная посетительница ночных клубов, периодически встречается с бывшим любовником, любит выпить, замечена в употреблении слабых наркотических препаратов, самая близкая подружка — гей-парикмахер. Вот такая вот семейка... — Михаил открыл файл с фотографиями. — И ведь нормальные с виду люди! Дочка такая симпатичная, нос с небольшой белорусской пилочкой и правое ухо откровенно торчит... Мама — та тоже ничего себе женщина, на фигуру ладная, но с глазами уставшими и слегка печаль-

ными. Ну, так вот, дамочки... На папу вашего в лоб выйти трудно – бумажками и адвокатами закрылся; пуганем – уйдет с концами, запаримся искать. – Он увеличил фотографию Нины и принялся внимательно рассматривать ее серьги. – А вот с вашей помощью можно будет подойти поближе и к семейным капиталам, и к вашему папочке. – Михаил задумался и лукаво улыбнулся. – Интересно, и кому из вас я стану другом?.. Судя по телефонной распечатке... – Перешел он к изучению звонков. – Общается он с вами каждый день, периодически даже обедать заезжает. А это значит – что?.. – Он стал увеличивать все фотографии женщин и запоминать их ювелирные украшения. – ...Что у вас хорошие семейные связи, и хотя бы в этом вы постоянны!

Неожиданно зазвонил мобильный телефон. Михаил тут же отвлекся от компьютера – этот номер знали только несколько человек.

– Здравствуй. – Услышал он голос своего московского шефа. – Завтра действовать начинаешь? Как твой информатор? Ты его вслепую пользуешь – не подведет в последний момент?

– Нет, что вы, Николай Иванович! Все будет хорошо. По легенде я недавно в Брест приехал, никого не знаю, дело свое хочу начать. Вот он и старается – сводит, так сказать, с высшим обществом...

– Ну-ну... Советов тебе не даю, ты уже дока стал в этих делах... Прошу только, – так, знаешь, по-отечески прошу: не

заиграйся и уйди вовремя. Договорились?

– Не волнуйтесь! Как говорил актер Папанов: «Усе сделаем в лучшем виде».

– Слышу, настроение у тебя хорошее. И, похоже, ты уже в образе. Завтра к тебе выезжает один человек, с наружки, как ты просил... Только не обессудь! – даю его тебе на одну неделю, не больше.

– Николай Иванович! Что в моих планах одна неделя? – миг! Я дом в пригороде на целый год снял! Давайте договоримся: при первом моем требовании вы мне этого, – именно этого бойца, пришлете обратно и надолго. – Михаил улыбался, его шеф был из того времени, когда работа и цель считались выше денег и чинов.

– Вообще, Миша, я звоню тебя поздравить: ты блестяще закончил операцию с ливанцами, ювелирные украшения перешли в нашу собственность. Мне всегда нравилось это удивительное, присущее только тебе, сочетание неспешности и железной хватки. Твои челюсти и на этот раз не упустили добычи, и принесли нашей конторе неплохие дивиденды. Еще раз поздравляю тебя и – прощаюсь. Будь здоров!

– Спасибо! И вам всего хорошего. – Михаил положил телефон рядом с компьютером и посмотрел в окно. Сумерки накрыли дачный поселок темнотой, проявив звездное небо и молодой рогалик луны. Ветер, уставший играть с макушками деревьев, стих.

Мужчина лег и выключил свет. Где-то далеко шла, посту-

кивая колесами, электричка. Монотонный перестук ласкал его засыпающее сознание желаниями новых дорог.

Утром он проснулся рано. Наступил день, от которого зависело самое главное – успех всей операции. Побрившись и приведя себя в порядок, Михаил выехал на рынок, где продавались подержанные иномарки. Выделенные средства позволяли ему купить новую машину среднего класса, но, потратив полчаса, он решил иначе: остановился на тойоте две тысячи пятого года, неприметной окраски и с трудно запоминающимся номером.

Уладив у нотариуса все дела по переоформлению автомобиля, он выехал в город и оставшееся до встречи время катался по центральным улицам, изучая дорожные развязки и местные достопримечательности.

Ровно в назначенный час, ступая в такт секундной стрелке, он открыл дверь ресторана «Золотой Петушок».

– Миша! – Услышал он голос своего «друга» и земляка. – Иди сюда! Масюкавичей... – Он смешно исковеркал белорусскую фамилию. – ...Еще нет. Женщины! Сам понимаешь – опаздывают.

Они прошли в отдельный кабинет и закрыли за собой дверь.

– Хочу еще раз напомнить тебе: тетки они богатые, до всего нового голодные, особенно – дочь. Поэтому можешь даже и не волноваться: наверняка у тебя что-то купят, потом и подружек подгонят... Словом – обрастешь потихонечку кли-

ентами. А зацепишься через них за папочку – считай, в дам-ки прошел. Мне долю за посредничество не закладывай, так помочь тебе хочу, по-товарищески.

– Марик, – обратился Михаил к «земляку», – ты-то хорошо их сам знаешь? Ничего они, не напугаются – вот так, с незнакомым человеком, в ресторане вечер проводить?..

– Ай, слушай, я им показал фотографии твоего московского ювелирного магазина, яхты, дома на Мальте... Сладкого столько в уши влил, что можешь даже и не переживать! Они сидят тут, в провинции, знаешь, такими матронами-переростками. Спят и видят, как за границу жить уехать. Ты для них – живая легенда, так сказать – воплощение идеалов жизни и мечтаний о богатстве.

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появились женщины.

Быстро закончив с ритуалом знакомства, они сели за стол и, читая меню, периодически обменивались беглыми взглядами и быстрыми улыбками.

Нина в жизни оказалась другой, совсем не похожей на ту женщину с фотографий в его компьютере. Лицо ее выглядело уставшим, глаза хранили какую-то заботу и печаль. Руки были ухожены, но в тоже время с годами утратили грациозность и легкость. Дорогая одежда, несмотря на то, что сидела хорошо, ловко облекая ее фигуру, была словно сшита для другой женщины. Казалось, чья-то неумелая подсказка или просто высокая цена недели сегодня на нее это пла-

тье и туфли. Ангелина наоборот – точно соответствовала его представлениям о ней: была ярка, самоуверенна и заносчива. Знакомясь, она кокетливо, хотя и несколько вяло, протянула ему руку и попросила в дальнейшем называть ее Марго.

– Михаил, а сколько вам лет? – она начала говорить первой, отложив меню в сторону.

Взгляд ее был прям и вызывающ.

– Мне сорок один год, – так же прямо, не отводя глаз в сторону, ответил Михаил.

– И что, есть у вас дети, жена? Любовница?..

– Марго, что за вопросы! – укоризненно произнесла Нина.

– А что, – продолжала та, не отрывая взгляда от глаз Михаила, – в Москве стало считаться дурным тоном – богатому человеку иметь любовницу?

Зашедший в кабинет официант прервал разговор, и Марго с сожалением вернулась к перелистыванию меню. На ее лице читались каприз и озорство.

Сделав заказы, все четверо сложили меню стопочкой на край стола и переглянулись.

Пауза затягивалась, и Михаил, решив взять инициативу на себя, задал вопрос Нине:

– Скажите, а как у вас тут проводят свободное время люди нашего с вами возраста? Что тут можно посмотреть, какой у вас театр, кто из наших столичных эстрадных звезд до вас долетает?

Марго лукаво улыбнулась и посмотрела на мать.

– Спасибо вам, конечно, Миша, за комплимент по поводу одного с вами возраста, но я – женщина домашняя, никуда не хожу, ничего не смотрю, разве что – телевизор. Знаете, дома работы много... Эта вот... – Она кинула взгляд на улыбающуюся Марго. – Пигля вышла замуж и ничего не готовит, мой бывший благоверный тоже у меня столуется – какие уж тут концерты!

– Она у нас мать Тереза! – продолжая улыбаться, выпалила Марго. – Чего прибедняешься, рассказывай уже! – Все оглянулись и посмотрели на Нину, но та молчала. Какая-то усталость владела ею полностью.

– Хорошо, я за тебя скажу! – продолжила дочь. – Тут при церкви приют есть, маленький такой, для старых людей и... бомжей. Так вот, она туда каждые выходные ходит! Еду им готовит, убирает, стирает, ерундой всякой занимается, а дома в спальне всю стенку иконами увешала! Думает – попросила прощения у Бога, и все – можно дальше грешить.

Дверь в кабинет опять отворилась, и сразу три официанта поставили блюда с закусками на стол. Разлив вино по фужерам, они неслышно удалились.

– Ну, что же... – Взял на себя право первого тоста Марк. – Давайте выпьем за знакомство, за приятный вечер... Миша у нас в Москве – очень известный ювелир, поэтому прошу без церемоний: какой бриллиант там, изумруд – все сделает в лучшем виде. Итак, за приятное и взаимовыгодное знакомство!

Фужеры встретились, и Михаил с удивлением отметил, как обе женщины выпили вино залпом и до конца.

– Миша, раз мы выпили за знакомство, – если, конечно, мама не возражает, давайте перейдем на «ты», – снова заговорила Марго.

– Договорились! – Он протянул ладонь для рукопожатия сначала Нине, а потом ее самоуверенной дочери.

– У-у, какая у тебя рука большая и сильная! – игриво произнесла Марго, задерживая в своих руках его ладонь. – И пальчики-то у тебя совсем не ювелирные. Можно я посмотрю на линии твоей ладони?

– Пожалуйста! Давай, поведай мне судьбу! – подыграл Михаил ее забаве.

– Так... Детей у тебя двое, – начала она говорить после небольшой паузы, – жен у тебя тоже будет двое, жить будешь долго, линия ума прямая.

– Нет, ну, что это за гадание! Никаких тайн и секретов ты не увидела и не раскрыла, за такую работу «цыганкам» денег не платят. Давай-ка теперь ты мне свою руку, и я покажу тебе, как это делается. Если, конечно, не боишься гадать.

Михаил почувствовал, что сейчас, если он зацепит своим рассказом ее воображение, то сегодняшняя программа запомниться женщинам будет выполнена на пять. И он, взяв в руки ее ладонь, начал свой рассказ:

– Ты родилась не здесь... скорее всего – в небольшом поселке. В восьмом классе, когда ты стала засматриваться на

мальчиков, к тебе пришло разочарование и печаль – ушел из семьи отец. Ты переживала за маму целый год, и не могла смотреть на мальчишек из своей школы, но в последнем классе природа стала брать свое, и у тебя появился парень...

Глаза Марго округлились, она всем телом подалась вперед, рот ее чуть приоткрылся, на щеках проступил румянец.

– Он был старше тебя, и ему нужен был секс. Какое-то время ты сопротивлялась его желаниям, но однажды, убежав с ним ночью из дома пока мама спала, все-таки уступила ему. Потом у тебя были и другие мужчины, – ты выбирала их по критерию благополучия и внешнего вида. А недавно к тебе пришла настоящая любовь, лишившая тебя сна и покоя. И ты, боясь потерять ее, и имея огромное чувство собственника, сама подвела ситуацию к свадьбе. Однако бугор Венеры у тебя выражен не ярко, а это значит, что секс не играет в твоей жизни важной роли и не является чем-то, связывающим тебя с мужем на духовном уровне. Ты достаточно закрыта, и даже близкие тебе люди не знают твоих мыслей и страхов; характер у тебя жесткий, не терпящий возражений и пустых сюсюканий. Твоя патологическая тяга к дорогим вещам, пристрастие к алкоголю, ночная жизнь в клубах и ресторанах неминуемо приведет тебя к разочарованиям и потерям. Сейчас иметь детей ты не хочешь, жить будешь долго и линия ума у тебя тоже прямая.

Марго была напугана и обескуражена. Михаил отпустил ее руку и перевел взгляд на Нину, та в полном недоумении

слегка покачивала головой.

– Как?! Как это у вас... у тебя получилось? – заговорила Марго, шумно выдыхая воздух и с трудом возвращая своему лицу улыбку. – Это просто фантастика! Правда, мам? Были только небольшие неточности в датах, но последовательность событий удивительно правильная. Что это? Миша, я, – и мама вот тоже... – Она дернула Нину за локоть. – Мы настаиваем, и даже очень категорично требуем раскрыть секрет такого гадания.

– Миша, а мне ты тоже можешь рассказать правду, глядя на мою ладонь?... – Нина протянула ему руку, глаза ее просили больше о помощи, чем о раскрытии секретов прошлого.

Он взял ее руку, пальцы были мягкими и короткими. Михаил нежно, несколько раз погладил ладонь, словно действительно вчитывался в линии ее судьбы. Молчание затянулось, но у присутствующих не хватало смелости прервать его раздумья и все, переглядываясь, терпеливо ждали.

Михаил посмотрел на присутствующих и отпустил руку Нины.

– Знаешь, я не буду ничего говорить тебе... Это не то место и не та компания, где можно вслух сказать обо всем, что написано на твоих ладонях... Давайте лучше выпьем вина!

– Нет, так не честно! – Марго встала, обошла стол и приблизилась к Михаилу вплотную. – Один штрих про маму! Быстро говори, ну... пожалуйста! – Ее лицо застыло в удивительной детской гримаске искренней просьбы.

– Хорошо, но – только один штрих. Нина... – Он посмотрел на нее и улыбнулся. – После развода ты поехала отдыхать на море, и там у тебя был роман с иностранцем. Он звал тебя замуж, но ты не решилась что-то менять в своей жизни, и сейчас часто, с сожалением, вспоминаешь об этом.

– Ага, мамочка! – Захлопала в ладоши Марго, возвращаясь на свое место. – Этого ты мне не рассказывала! Ух, ты, какая штучка!!

Нина внимательно посмотрела на Михаила. Впервые за вечер она улыбнулась и, ничего не говоря, налила всем вина.

– Пьем-пьем-пьем! – громко и весело закричала Марго.

Официанты принесли горячее, разговор и тосты пошли быстрее, Нина повеселела. Вторая и третья бутылки опустели незаметно и быстро, алкоголь подогрел воспоминания присутствующих, и все с наслаждением стали рассказывать друг другу о своих поездках и приключениях.

Прощаясь на крыльце ресторана, они обнимались, словно уже давно были старыми друзьями, несколько раз расцеловались, а расставаясь у машины такси, сердечно звали друг друга в гости.

Вернувшись домой, Михаил разжег камин и лег на диван прямо напротив огня. Все, что он сегодня увидел и услышал, отлично вписывалось в его первоначальную схему действий. Обе эти женщины выпивали, любили поговорить, хорошо и дорого одевались, книг не читали, в театры не ходили, увлечений не имели, носили старые, давно вышедшие из моды

советские украшения, не боялись засидеться в ресторане и ни перед кем по телефону не отчитывались.

Теперь ему оставалось только ждать... набраться терпения и ждать, когда женщины обсудят его между собой и каждая, возможно – втайне друг от друга, созвонится с ним.

Марго приехала домой. Не раздеваясь, она заглянула в спальню. Вова, ее компьютерный гений и муж, спал сном младенца, разбросав руки в разные стороны.

Она прошла на кухню, налила себе вина и набрала номер матери.

– Ну, что, давай поговорим, – сказала Марго, расстегивая пуговицы на пальто.

– А что говорить! Видела я, как ты на него весь вечер смотрела, глазки ему строила... Ангелина, я тебе серьезно говорю: ты только что вышла замуж, вот и веди себя, как подобает женщине в твоём положении!

– Ай, мама, ты что! Я, вот, наоборот – о тебе подумала. Помнишь, как он нежно и долго твою ладошку гладил, а ты прямо затихла вся. Ну, вот и скажи еще, что тебе он не понравился!

– Марго, что ты болтаешь! Тебе ли не знать, в каких рукавицах держит меня твой отец... Вчера сидит за обедом, злой такой, о проблемах своих рассказывает, а потом поднимает на меня глаза и говорит: узнаю, что завела себе мужика, машину отберу и месячного довольствия лишу!

– Вот он гад! – вырвалось у Марго. – Ни себе, ни людям!

Сам с тобой не живет, и другим не дает. Мам, а если ты потихонечку с Мишей встречаться будешь, разве он узнает?..

– Узнает... Я врать не умею, погорю сразу. Поэтому самое большее, что может у меня с Мишей быть, это дружеские отношения. Одного только не пойму... как это он смог по моей руке узнать о летнем романе?.. Главное – это, ведь, давно было, и я никому, даже тебе, болтушке, ничего не говорила!

– А и правда, мам – он какой-то особенный! У меня, когда он о моей жизни говорил, такие большие мурашки по спине бегали, даже похолодело все внутри! Я ведь тебе тоже не рассказывала, но я девственности лишилась именно так, как он и рассказал – вылезла ночью в окно на первом этаже, а под утро вернулась. Сейчас сижу, говорю тебе это, и от страха прямо холодею...

– Ну, да ладно... Ты там себе не очень фантазируй! Девяносто процентов девушек твоего возраста вступают в половые отношения с мальчиками подобным образом. Думается мне, он просто хороший психолог. Ты лучше скажи: когда мы сможем его ювелирные каталоги посмотреть? Хорошо бы с отцом его познакомить – деньги-то он давать будет.

– Слушай, а давай я его сначала с мужем познакомлю! А потом и папику нашему представим, как моего старого товарища. – Марго отпила вина и сбросила пальто на спинку стула.

– Да, давай. Действительно, так и сделаем. И у отца меньше вопросов будет, а то он и так – как сыч ходит, хоть бы

скорее себе подружку какую завел, да успокоился...

— Мама, какую подружку, чего ты говоришь! Тут его каждая собака знает, девки хоть сейчас с ним готовы на все! Но ему же любовь нужна, чувства... А какие у молодых девчонков могут быть чувства к такому старику? Он сам-то на сорокалетних не особо заглядывается! Ходит, вон, в спортзал целыми днями, массажи себе всякие делает, волосы покрасил, масочки на ночь накладывает, шерсть везде депилировал, молодиться, стрекозел!

— Марго, ты сейчас об отце говоришь! Что у тебя за выражения...

— Брось ты, мам! Когда он нас с тобой оставил и начал тут куролесить по проституткам и моделям всяким, тысячи им под ноги кидал, а тебе даже алименты не платил — это как?!

— Бог с ним! Что ты старое вспоминаешь? Перебесился же... Может, у него вторая молодость уходит. Скажи лучше — как Вова-то твой, спит? Интересный он у тебя... ты по ресторанам ходишь, а он даже и не волнуется. А за тобой, завлекалочкой, глаз да глаз нужен! Чувствую, не нагулялась ты... Похоть, прости Господи! — Нина перекрестилась. — Так и лезет она из тебя.

— Так доверяет же, мам! Доверяет. А потом, я ему сказала, что мы с тобой и твоими друзьями пошли, чего же ему волноваться — я под твоим всевидящим оком нахожусь. И вообще, как хорошо, что он такой лопух... я, несмотря на штамп в паспорте, чувствую себя абсолютно свободной.

– Марго, да что ты говоришь такое! Бить тебя некому! Ох, другой тебе муж нужен... Сейчас бы врезать тебе раз по заднице, чтобы жизнь медом не казалась!

– Ой-е-ей, по заднице! Да еще не родился такой мужчина, который под мою дудку плясать не будет! Хочешь – на спор – я этого москвича, как телка, через неделю на веревочке водить буду!

– Дурочка, ты его глаза видела? Сила в нем какая-то есть, скрытая... уверенность! Это тебе не наши провинциальные пустомели, тут образование и стержень чувствуются.

– Стержень! Знаю я, какие стержни у мужиков... и этот не исключение! Только дотронется до меня, почувствует тело мое молодое, как его-то собственный стержень ко мне навсегда его и привяжет! – Женщина рассмеялась, ее воображение разделило Михаила, нарисовав мускулистое тело и мужское достоинство внушительных размеров.

– Марго! – с раздражением произнесла Нина. – Ты зарываешься, и несешь всякий вздор!

– Почему это – вздор?... Ты думаешь о том, как его с отцом познакомить, потом будешь думать, как у папочки денег попросить... А я его в постель уложу, получу и удовольствие, и бриллианты. Много, много бриллиантов!

– Боже, кого я вырастила!!! Пожалей меня, не говори мне все эти мерзости...

– Мамочка! Это у меня – папины гены. Он по телам в прямом и переносном смысле шагает, и правильно делает! Нуж-

но все брать самому, никто в дверь не постучит и ничего не принесет! Ладно, давай уже спать, чего о пустом говорить... Если ты от него отказываешься, то я его точно подберу, а то очень даже быстро другая найдется, и плакали тогда наши бесплатные драгоценности. Все, пока, спокойной ночи!

Марго положила телефон, налила себе еще немного вина и перешла в зал на диван. Из спальни доносился храп мужа, немало раздражающий ее и мешающий спать каждую ночь.

Нина, проснувшись утром, пошла в ванную комнату и приняла душ. Вытираясь полотенцем, она смотрела на свое отражение в зеркале и грустила Мысль, что дни проходят в одиночестве, уже много раз приходила к ней и раньше, но сегодня как-то особенно ныла где-то глубоко в душе. Не то, чтобы она жаждала мужского внимания и секса., нет! Просто, ей хотелось свободы, может быть, какого-то одного маленького безрассудства или легкого приключения, которое украсило бы ее сегодняшнюю монотонную жизнь.

Там, в зеркале она видела еще крепкую грудь, округлые, полные бедра и еще вполне упругую кожу на ягодицах. Ощупывая свое тело руками, она словно доказывала себе и своим мыслям, постоянно критикующим собственную фигуру, что у нее еще есть шанс быть любимой и счастливой женщиной.

Настроение подтолкнуло ее и она, не одеваясь, вышла в зал к большому, в полный рост зеркалу, прикрепленному к стене.

Женщина выпрямила спину и подняла руки вверх, вытя-

гиваясь всем телом.

– Да! – сказала она себе громко. – Определенно, я еще женщина! Сорок восемь лет – это что, разве возраст?.. Марго права, мне нужен мужчина, красивый, сильный и... – Она задумалась и, опустив руки, подошла вплотную к зеркалу. – ...Богатый, пожалуй, на меня и не посмотрит, тогда... – Она крутанулась на месте и снова посмотрела на себя. – Пусть будет просто мужчина. А деньги мы возьмем у бывшего мужа, это будет плата за все пережитые от него страдания и муки.

Вполне довольная собой, она прошла в спальню, накинула халат и села за косметический столик.

Михаил опять проснулся рано. Одевшись, он вышел во двор своего дома и сделал хорошую, бодрящую гимнастику, поработал в ближнем бою с тенью и отправился принимать душ.

Приготовив себе на завтрак яичницу, он налил кофе с молоком и, сев напротив окна, принялся празднично рассматривать улицу.

Телефон на столе тренькнул сообщением. Это означало, что человек из Москвы прибыл, поселился в отеле и получил конверт с указаниями характеристик объекта наблюдения.

Сложив в раковину посуду, – обычно он мыл ее вечером и то – по мере накопления, Михаил поднялся на второй этаж, надел рабочую одежду и только, было, собрался заняться благоустройством дома, как неожиданно громкий и настойчивый звонок у входной двери остановил его.

«Кто это?» – пробежала настороженная мысль в его сознании. Он тихонечко прошел и выглянул в окна второго этажа, но конструкция козырька над крыльцом скрывала гостя.

Звонок звучал уже без пауз и раздражал неимоверно, нужно было идти открывать. Ощущение неприятного напряжения нарастало.

Михаил подошел к двери и резко открыл ее.

– Не ожидал? Хотела уже уходить! Думала, тебя дома нет, – сказала Марго и прошла в дом без приглашения. – Миш, я так, посмотреть забежала, как ты тут устроился и вообще... может, тебе помощь нужна?.. Я знаю одну компанию, они дома убирают, окна моют и даже белье гладят. Миша, ну, что ты стоишь и молчишь, как немой! Думаешь, как я тебя нашла?.. – Марго улыбалась. Сейчас она была очень довольна собой – запланированная сцена неожиданного визита удалась ей стопроцентно. – Кристинка, подружка моя, – продолжила она, наконец, – работает в риэлтерской компании. Той самой, которая тебе дом подбирала. Они, между прочим, сразу на тебя глаз положили! Москвич, на целый год дом снимает, жить один будет... Девочки подумали: может, ты писатель какой?.. Так это они еще не знают, что ты магазин свой ювелирный имеешь и дом на Мальте, а то бы давно уже тут все были, с домашней выпечкой, тряпочками и швабрами! Знаешь, пришли бы в таких прозрачных кофточках и коротеньких юбочках, и начали бы тебя соблазнять своими прелестями, вытирая пыль на самых высоких полках...

Марго смеялась над собственными фантазиями и словами. Разглядывая Михаила сейчас, при дневном свете, одетого в джинсы и футболку, она с удовольствием отмечала, что ее ничего в нем не раздражает.

– Миш, а скажи, пожалуйста, – а то я прямо ночью плохо спала, как это ты по руке столько обо мне узнал? Может, это просто девчонки из агентства с тобой разболтались... А?..

– Ты спешишь или у тебя есть свободное время? – Михаил оправился от первого шока, вызванным неожиданным появлением Марго, и теперь готов был продолжить общение.

– Время у меня всегда есть! – Она улыбнулась и, пройдя в зал, присела на диван. – А если винца чуть-чуть нальешь, так и вообще – замечательно будет.

– С самого утра?.. Ну, давай, давай...

Михаил прошел на кухню, открыл бутылку вина, нарезал сыр, взял фужеры и, расставив все это на подносе, вернулся к Марго.

– Значит, хочешь узнать мой секрет владения хиромантией?

Он налил вина, протянул ей бокал и сел рядом. «Странно, – подумал он, – почему она вот так, сразу и не боясь, приехала к нему в дом? Может, она действительно настолько раскрепощена, что вступает в отношения с мужчинами, не стесняясь?...»

– Дай мне твою руку, красавица.

Марго подчинилась и, придвинувшись ближе к нему, про-

тянула ладонь.

– Гляди, вот линия твоей любви. Она прерывается в самом начале. Это значит, что твой брак долго не продлится. Дальше линия появляется снова, и становится сильной и длинной. Знай, это будет другой мужчина.

Михаил посмотрел ей прямо в глаза. «Ты простая, – скажет он ей, – белорусская девушка, живущая счастьем любви и доброты. Все наносное и лишнее отвалится, как старая кора, ложь, съедающая тебя изнутри, уйдет, и ты почувствуешь его любовь, как глоток чистой, родниковой воды. А испытав это чувство однажды, всегда захочешь пить только эту воду и любить только этого человека...»

– Нет-нет, стоп! Хватит! – Она подняла руку и одними пальцами, нежно, едва слышно коснулась его губ. – Там нет такого, ты это все специально говоришь, чтобы заинтриговать меня, да? Еще скажи, что мужчина.. – Она снова посмотрела на свою прерывающуюся линию любви. – Тот, другой мужчина, с которым мне предстоит жить дальше – это ты!

Михаил поднялся с дивана, не спеша налил себе вина, и посмотрел на нее. Сейчас от его ответа зависело многое.

– Да. – Он сделал несколько глотков из фужера. – Следующим твоим мужчиной буду я. Но добиваться меня будешь ты сама. А главное – выполнишь три условия, три обязательных условия, только при которых возможен наш с тобой союз.

Она тоже сделала несколько глотков вина и лукаво, с при-

шуром посмотрела на Михаила. Игра начинала нравиться ей все больше и больше.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что я буду бегать за тобой, завоевывать тебя, оставлю своего мужа, в глазки твои буду заглядывать и шептать «Что изволит мой повелитель?..»

– О-о-о... – Михаил добавил вина в фужеры и сел рядом с ней на диван. – Правильное слово ты нашла – повелитель. Я вижу, ты очень хочешь меня сейчас, все в тебе прямо так и кипит... – Он придвинулся к ней еще ближе и тихонечко, почти в самое ухо прошептал: – Ты – чертовски соблазнительна и красива... но это – единственное твоё оружие. А в остальном ты предсказуема и, в силу возраста, ещё глупа и самонадеянна.

Женщина отстранилась от мужчины и натянуто улыбнулась, эти слова ей совершенно не понравились.

А Михаил продолжил более громко:

– Первым условием, которое тебе нужно будет выполнить, чтобы заполучить меня в мужья, будет твоя любовь ко мне. Настоящая любовь! С переживаниями и эмоциями, с ревностью и безрассудством, с ласками и безумным сексом...

– Миш, ты шутишь, что ли?.. Не могу понять... – Она залпом выпила вино. – Какая любовь?! Ты что, забыл? – у меня муж есть, и я его люблю!

– Сейчас – есть... – Он почувствовал, что зацепил ее, расстроил и ввел в замешательство. – Но на твоей ладони уже все предопределено. Хочешь ты сейчас этого или нет, но бу-

дет так, как я сказал. Ты влюбишься в меня, я потеряю из-за тебя голову... Наши чувства сделают тебя другой! Ты перестанешь врать, выдохнешь из себя зло и зависть, станешь мамой, и в глазах твоих будет доброта...

– Бред какой-то! – Марго встала и сама налила себе вина. – Полный бред! Глупости говоришь... Эти слова ты можешь приберечь для моей мамы, ей вся эта библейская чушь нравится. – Тон, с которым она это произносила, указывал Михаилу на то, что от ее игривого настроения не осталось и следа.

Неожиданный звонок в дверь заставил Марго вздрогнуть. Она вопросительно посмотрела на Михаила и удивленно развела руками в стороны.

– Послушай, если я скажу тебе, кто стоит за входной дверью, ты согласишься в мои предсказания?

– Нет, так не пойдет! Может, ты с кем-то заранее договорился, и этот кто-то в назначенное время пришел к тебе. – Марго подошла к окну, но крыльца дома видно не было.

– Человек, который там стоит, твой друг и пришел за тобой.

– За мной?.. Ты опять пугаешь меня своими словами! Ладно, хорошо, говори: кто там пришел?

– Тогда клянись: если я угадываю, то ты в присутствии этого человека целуешь меня в губы!

– Ой, боже ты мой, да никаких проблем! – Она рассмеялась, кокетство возвращалось к ней вместе с пестрыми фан-

тазиями.

Михаил взял у нее бокал и, указывая рукой на дверь, про-
изнес:

– Иди, поздоровайся! На звонок сейчас нажимает Нина,
твоя мама.

– Что? – Она быстро подошла к двери и открыла ее.

Нина вошла в комнату и резким, колючим взглядом про-
бежала по лицам и одежде дочери.

– Чего так долго не открывали? Чем это вы тут таким за-
нимаетесь?..

– Здравствуйте, Нина, мы тоже рады вас видеть! Может,
разделите с нами бутылочку вина?..

– Ах, да, извините, Михаил... здравствуйте. Марго! – об-
ратилась она к дочери. – Звоню тебе, звоню, а все без ответа.

– Мама, как ты смогла найти меня?! Миша, как ты до-
гадался, что именно она стоит за входной дверью?! Ты ка-
кой-то страшный человек! Представляешь, когда раздался
звонок, он сразу сказал – иди, поздоровайся, это Нина при-
шла.

– Миша! – Обе женщины выжидательно посмотрели на
него.

– Марго, а где моя награда за выигранный спор? – Михаил
подошел к ней ближе и чуть постучал указательным пальцем
себе по губам.

– Ну, уж нет! Я не клялась! Обещала – это да, но... ты
же сам сказал, что во мне ложь живет! Поэтому – фиг тебе,

а не поцелуй! Давай, расскажи лучше: как это тебе удалось угадать мамин приход? Из окон этой комнаты того, кто стоит на крыльце, не увидеть!

– Нет, это тебе – фиг! – шутливо произнес Михаил. – Любопытство в обмен на поцелуй.

– Мама, ну, посмотри, каков наглец! Прямо вымогатель! – Она подмигнула Михаилу и продолжила: – Хочет, чтобы ты его поцеловала! Тогда он скажет, как ему удалось угадать твое появление. – Решила она пошутить и перевести стрелки на маму.

Неожиданно Нина приблизилась к Михаилу и, привстав на цыпочки, больше по-товарищески, но все-таки в губы, поцеловала его. Он слегка обнял ее и, когда поцелуй был закончен, придерживая за талию, оставил стоять рядом с собой.

Марго была в растерянности – подобной смелости от своей матери она никак не ожидала. Ощущение потери контроля над ситуацией и над самим Михаилом холодком проползло по всему телу.

– Итак, мой ответ, – начал Михаил. – Из окна этой комнаты действительно не видно крыльца дома, но посмотрите на парковку: сейчас там рядышком стоят два дорогих джипа, а Марик вчера рассказывал мне, на каких машинах вы ездите...

– Ага! Так просто! – Марго снова стала улыбаться, но вид стоящих в обнимку Михаила и мамы явно не нравился ей.

Нина же, видимо, немного осмелев и привыкнув к обста-

новке, подняла на мужчину глаза и напомнила о предложенном ей ранее вине.

Миша оставил женщин в комнате и пошел на кухню.

– Мама! – начала быстро и шепотом говорить Марго. – Ты чего сюда приперлась?! И вообще – как ты узнала, что я тут?

– Я решила, что у тебя уже есть муж, а у меня нет даже любовника. Поэтому давай-ка – живо отсюда домой, а я и без тебя тут вина попью!

– Ах, вот, значит, как! Пробило тебя, значит!! Монашку-то нашу, доморощенную! Отца, значит, боишься, паек свой потерять не хочешь, а сейчас – что произошло?! Денежками запахло, да?! Только, вот, зачем ты ему, старая такая, нужна? К твоему сведению, Миша сейчас сказал мне, что линия любви на моей ладони говорит о том, что это он – мой следующий мужчина! Поняла?! И хватит тут обниматься!!

– Так, девушки... – Михаил вернулся в комнату с фужером, наполненным вином, и новой, едва початой бутылкой вина. – Давайте выпьем за хорошее, веселое утро, за дружбу и понимание между нами, за ваши прекрасные глаза и радость, которую вы будете получать, надевая мои ювелирные украшения!

Все трое переглянулись между собой, и каждый подумал о своем. Соединив фужеры в призывном звоне хрустала, они улыбнулись друг другу, и выпили все до дна.

– Миша, налей мне еще! А маме больше не надо... Пока ты был на кухне, она мне сказала, что ее очень хочет видеть

отец, и ей пора уезжать. — Марго взяла у Нины из рук пустой фужер и поцеловала мать, как на прощание.

Нина, видимо, хотевшая что-то сказать, только набрала в легкие воздуха, как Михаил взял ее за руку и произнес:

— Уходишь? Жаль, что так скоро... Пойдем, провожу тебя до двери.

На крыльце он, прощаясь, пожелал ей хорошего дня и, закрыв дверь, вернулся к Марго.

Зайдя в комнату, он сразу подошел к ней и, сильно обняв, громко произнес:

— Все, игры и слова на сегодня закончились... пошли!

— Куда? — Она запрокинула голову и посмотрела на него снизу вверх. Трепет четкого осознания приближающейся близости искрами пробежал по ее телу.

— На второй этаж. В спальню...

И он подхватил ее на руки. Пробежав лестницу, уже через несколько секунд опустил на кровать. Пуговицы, замки, крючки, одежда, обувь — все открывалось, расстегивалось и снималось, словно в соревнованиях на скорость.

Обнажившись, они осмотрели друг друга. Она с удивлением ощупала его крепкие и рельефные мышцы, а также отметила про себя, что ее фантазии по поводу размеров его достоинства вполне оправдались.

Михаил же наоборот, ничего особенного не увидел. Грудь, несмотря на столь юный возраст ее хозяйки, была очень мягкой и совершенно непривлекательной; короткие и пухлень-

кие ножки утяжеляли фигуру в нижней ее части, а худоба в верхней проявила ключицы и лопатки.

Однако, начав ласкать ее, он сначала почувствовал, а потом и как следует разглядел замечательно округлые бедра, аккуратные, идеальной формы ягодичы, возвышающийся лобок и нежную, розового цвета, «тайну», отдавшую влагу, едва только он дотронулся до нее.

Секс начался спокойно, словно проходил по плану и – в соответствии с принятыми обязательствами.

Женщина тихонечко стонала, двигалась в такт, обхватывала его и отпускала. Мужчина, чувствуя, что страсти и темперамента нет, понял, что нужно все менять и чем-то удивлять.

– Нет, – сказал он и сел на кровать рядом с ней, – так не пойдет. С мужем эту обывательщину творить будешь. Давай все начнем с самого начала. Сейчас мы встаем, и прямо так, обнаженными, идем вниз выпить вина. А дальше – экспромт и полное доверие ко мне.

– Вообще-то мне было хорошо... но раз ты предлагаешь что-то новое, то давай, я не против импровизации. Только одно условие: не люблю, когда мне делают больно или когда меня привязывают и пристегивают.

Марго встала и, «играя» при ходьбе ягодичами, побежала вниз по лестнице. Ее настроение, взбудораженное некой интригой, затанцевало в сладком предвкушении.

Михаил взял на кухне фужеры побольше, наполнил их ви-

ном, выпил сам и попросил ее сделать то же самое. Тут же, без перерыва и слов, он снова наполнил бокалы и снова выпил вместе с ней все до дна.

– Ну, и что же дальше...? – Алкоголь пошел играть в ее крови, женщина кокетничала и с интересом ждала развития событий.

– Дальше... – Он посмотрел по сторонам, взгляд не цеплял ничего подходящего для экзотического продолжения секса, но какая-то глупая пружинка в его голове подтолкнула его открыть холодильник.

Марго засмеялась.

– Ты что, фильмов насмотрелся? Не надо меня ни медом, ни сметаной мазать! – Она взяла его руки и положила их себе на плечи. – Хватит, не фантазируй, просто отнеси меня обратно в постель... Я уже и правда – хочу тебя. Только, пожалуйста, начинай все делать медленно и ласково.

Он посмотрел на нее – глаза... Сейчас они показались ему удивительно простыми и искренними, просящими понимания. Почувствовав нежность и желание любить, Михаил поднял ее на руки и послушно понес в спальню.

Она обхватила его шею руками и, положив голову на плечо, закрыла глаза.

– Ты такой сильный и большой, мне так спокойно в твоих руках... Ощущение, словно я маленькая и меня укачивают перед сном, – произнесла она шепотом, когда Михаил плавно опустил ее на кровать.

И теперь все было по-другому! Под его руками Марго оживала, она откликалась на касания, и даже само дыхание ее менялось, тело двигалось и слегка дрожало, а когда он стал опускаться поцелуями все ниже и ниже, она потянула его на себя и громко крикнула:

– Все, больше не могу! Давай уже, начинай! Скорее...

Михаил остановился, специально подержал паузу, а затем медленно развел ее ноги в стороны.

– Ну же, вредина такая, не тяни... – произнесла она пересохшими губами.

Он наклонился к ее уху и иронично произнес:

– Ну, если ты так сильно просишь своего повелителя, то – пожалуйста.

И в ту же секунду вошел в нее. Она вскрикнула и, закрыв глаза, запрокинула голову назад.

Его время наступило и он, смяв ее под собой, всей силой своего тела стал властвовать над ней. Михаил вращал, крутил ее, менял позы, не давая женщине опомниться и проявить какую-либо инициативу. Сначала он стащил ее с кровати на пол, но уже через несколько минут Михаил поднял ее и, прижав к стене, мощными движениями бедер стал вбивать себя в ее маленькое тело. Марго извивалась, крутилась и царапала его, ей даже удалось несколько раз несильно укусь любовника за плечо. Он чувствовал: ей хорошо и плохо одновременно, поза у стены позволила ему дойти до самого ее конца, до самой опасной грани между наслаждением,

страхом и болью.

Продолжая игру в секс, он оказался в зале второго этажа и там перебросил Марго через спинку кресла, стоящего напротив окна с висящими над рамой яблоками.

Улыбка пробежала по его лицу. Марго, словно послушная рабыня, лежала головой вниз, ее круглая попа колыхалась под ударами его бедер, а яблоки немного покачивались на ветках и призывно блестели в лучах осеннего солнца.

– Нет, – сказал он сам себе, – этот фруктовый натюрморт мешает сосредоточиться...

Михаил снова взял ее на руки и пошел к лестнице между этажами. Положив Марго грудью на перила и расположив нош на разных ступеньках, он продолжил. Пот ручьем стекал по его лицу и затылку. Словно атлет, работающий в спортивном зале со снарядами, Михаил находил в своем тренированном теле все новые силы и, продолжая фантазировать и дальше, переместился и стал менять позиции ее тела уже в зале первого этажа.

Марго выполняла все, она была послушна и мягка, как пластилин под руками скульптора. Ее лоб тоже покрылся испариной, шея и кончики волос стали влажными от пота, она и погибала и одновременно – хотела жить. Из последних сил она шептала ему слова нежности и умоляла только об одном – продолжать, но когда они оказались на кухне и Марго, лежащая на столе, опять почувствовала, как глубоко и больно он пронзает ее, то наконец-то взмолилась о пощаде. Все

внутри нее горело, появилось ощущение, что на открытые раны насыпали соль, тело ныло, пальцы дрожали от усталости, голос скрипел сиплыми тонами, и казалось, что у нее не осталось сил даже для вдоха.

Словно во сне и забытии, она ощутила, как ее подняли на руки и опять отнесли в кровать.

Последнее, что она помнила перед тем, как уснуть, были его губы, мягкое одеяло, согревающее ее уставшее тело, и сладкое чувство непередаваемого секса.

Положив ее на кровать, Михаил занавесил окна плотными шторами, подобрал и аккуратно сложил разбросанную по спальне одежду.

Спустившись на первый этаж, он принял прохладный душ, потом прибрал на кухне и, приготовив себе чай, достал телефон.

– Как разместились? – Набрал он номер человека, прилетевшего из Москвы.

– Спасибо, хорошо. В конверте материалы на трех фигурантов. С кого вы бы хотели начать?

– Значит, так, через три часа вы поедете... – И он продиктовал адрес своего дома. – И во дворе увидите черный джип, «Мерседес». Женщина, которая сядет в него, и есть объект наблюдения. Меня интересует все: куда она едет, с кем встречается и о чем говорит. Номер ее телефона у вас есть. Записывайте все ее звонки, даже если это заказ пиццы. Если будет что-то срочное и важное, пришлете мне смайлик,

и я вам сразу же перезвоню. Все, до свидания.

Михаил отключил телефон и стал медленно пить чай. За окном появились тучки, солнце клонилось к закату, наступал вечер.

Посидев в раздумьях минут десять, он ощутил нарастающее чувство голода. Нужно было подниматься и готовить ужин. В голове картинкой возникло видение – огромный, на всю шипящую сковородку, кусок мяса, блестящий жареной корочкой и манящий колечками рассыпанного по его поверхности лука... Открыв холодильник, он увидел яйца, сыр, две помидорины и в морозилке – пачку старых пельменей.

– Да, не густо... – Михаил почесал затылок и вспомнил, что у него еще есть буханка черного хлеба.

– Ну, что же... видимо, сегодня день импровизаций и творчества. Отбивная, – толстая, кровавая отбивная обязательно будет в нашем меню! Но, к сожалению, не сегодня...

Он достал все, что было в холодильнике, и начал колдовать.

Разморозив пельмени в микроволновке, Михаил вытащил из них мясо и, мелко порезав, бросил его жариться на сковородке.

Лихо орудуя ножом, он быстро порубил помидор на небольшие кубики и смешал его с мясом.

Буханку хлеба просто разрезал вдоль, всю верхнюю часть и мякиш из нижней он выбросил в мусорное ведро, – в голове мелькнула мысль, что, наверное, старые люди, увидав та-

кое, осудили бы его за расточительство. Но кулинария, – как, впрочем, и все остальное, требовала жертв. И он, вырезав в оставшейся части хлеба еще и доньшко, немного крякнул от пришедшего к нему чувства удовольствия.

Недолго поорудовав лопаткой и вилкой, Михаил достаточно быстро разместил мясо с помидорами внутри хлебной рамки. На сковородке шкворчало, готовящаяся еда наполнила кухню дивными ароматами.

Желание начать пробовать стало терзать его появившейся слюной, но интерес к процессу творения был сильнее, и он продолжил.

Убавив огонь, мужчина закрыл мясо внутри хлебной рамки сыром.

– Так, – сказал он сам себе, – а теперь и последний штрих. Где тут наше дно из хлебной горбушки?.. Ага, вот и оно... – Михаил как можно симметричнее вырезал в корке три кружочка, сантиметров пяти-шести в диаметре, и опустил созданную им конструкцию на слой сыра.

По очереди взяв три яйца, он аккуратно разбил их, распределив желтки в вырезанных в корке хлеба отверстиях. А после, накрыв сковородку крышкой, он просто выключил газ.

Теперь нужно было ждать, когда проснется его голодная фурия и потребует еды. Оглядевшись по сторонам, Михаил заметил, что на столе и разделочной доске остались остатки сыра и хлеба. Его голодный живот с новой силой потребовал

еды, и он, налив себе крепкого горячего чая, стал медленно подбирать крошки со стола.

Солнце село, дом погружался в темноту, а Марго спала уже больше часа. Гонимый любопытством, он тихонечко поднялся на второй этаж и прошел в спальню.

Запах секса, ее влаги и разгоряченного тела еще стоял тут, словно «это» закончилось только секунду назад.

Она лежала, укутавшись в одеяло с головой, и тихонько сопела.

Михаилу захотелось дотронуться до нее, провести ладонью под одеялом, ощутить наготу и красоту линий, подаренных ей природой.

Какое-то время он колебался, понимая, что может разбудить ее, и просто сидел без движения рядом.

Но провиденье решило пошутить над ним и повернуло Марго на другой бок, одеяло в области бедер приподнялось и ему открылись белые, словно посыпанные сахарной пудрой ягодицы. Такого коварства и искушения его душа уже вытерпеть не могла и он, присев на пол, стал нежно ласкать ее попку, не забывая скользить пальцами и между ее плотно сжатых ног.

И, конечно же, через несколько секунд это разбудило ее.

– Мля, это какой-то писец! Мишка, ты – сексуальный маньяк... – Она легла на спину и повернулась к нему. – Ты же меня просто изнасиловал! У меня еще никогда не было такого зверя... Болит все тело, синяков завтра будет – види-

мо-невидимо. – Она поймала его руку на своем животе. – А знаешь, как внутри болит?! Ты натер все до невозможности! Я теперь неделю буду ходить, как спрыгнувшая с лошади, не говоря уже о невозможности заниматься сексом в ближайшее время...

Михаил улыбался.

– Хочешь, я подую на твои больные места, ласково их поглажу или компрессик наложу?..

– Иди к черту, подует он! Знаю я эти ветры... Лучше покорми меня и налей чего-нибудь... Да только покрепче! А то у меня от твоего утреннего вина голова побаливает... О, да! И скажи, сколько сейчас времени, – смотрю, за окном уже стемнело.

– Времени – девять, еда готова, а из крепкого у меня только текила. – Он откинул одеяло и снова стал разглядывать ее.

Марго села на край кровати, в ее движениях и голосе не было ни стеснения, ни сожаления. Она подняла руки и, медленно поправляя волосы, дала ему возможность любоваться собой.

– Ты не слышал: мой телефон не звонил? – Она встала и натянула на бедра тонкую полоску белых трусиков. – Может, я его в машине забыла?.. Хотя, ладно, черт с ним! Мама знает, что я у тебя, а если меня начнет муж искать, она ему чего-нибудь соврет. Кстати, что это произошло сегодня утром?.. Целуются они, посреди комнаты стоят! Ишь ты, какие нежности! Чтобы это было в последний раз, а не то... –

Она подошла к Михаилу и быстро сунула руку к нему в штаны. – Не то отрежу ночью, понял?

Михаил обнял Марго, ее рука сделала свое дело, и его плоть снова пришла в боевую готовность.

– Нет-нет-нет! – Отстранилась от него Марго, замахав руками. – Я больше не могу, честно! Все болит... – Она слегка дотронулась до низа своего живота и скривилась в гримасе боли. – Ужас какой! Я же просила быть нежнее! У меня она маленькая, хорошенькая, а ты как танк наехал... Убить тебя мало!!

Миша снова улыбнулся и, подхватив Марго и ее одежду на руки, понес на кухню. Желание носить ее на руках завладело им полностью.

– Давай, располагайся тут, одевайся, бери текилу и рюмки из верхнего ящика, а я еще немного доделаю блюдо для нашего пиршества.

Включив газ на полную мощность, он приподнял крышку кастрюли. Ароматы мгновенно наполнили кухню. Марго, надев на себя одну только обтягивающую кофточку, изящно потянула носом и стала разливать спиртное.

– Ну, – сказал Михаил, когда яство уже было разложено по тарелкам, а текила разлита по рюмкам, – за наш первый день любви, за наше слияние тел и чувств.

Они выпили и молча, периодически поглядывая друг на друга, приступили к еде. Марго снова налила и, видно, хотела сказать какой-то тост, но улыбнулась и иронично произ-

несла:

– Да уж, слияние было ой-ей-ей...

Она не похвалила его за ужин и находчивость в приготовлении еды, а просто съела все, как на одном дыхании, подобрав корочками хлеба с тарелки даже остатки растекшегося яйца.

– Миш, дай мне свой телефон! Хочу позвонить домой мужу, чтобы он не волновался и не искал меня.

– Держи. – Он протянул ей мобильный, и она набрала номер домашнего телефона.

– Масик, чем занимаешься? Я просто умираю, у меня женские проблемы... Но ты не волнуйся – мама за мной замечательно ухаживает. Сейчас мы попьем чаю и будем ложиться спать, а утречком созвонимся... хорошо?

– Да. – Услышал Михаил растерянный голос в трубке телефона. – Выздоровливай, конечно. Ты не будешь против, если я сегодня ночью посижу за компьютером? Твой папа попросил меня доработать программы по бухгалтерии...

– Ой, ну что ты, Масик! Работай, сколько тебе нужно. Ты у меня такой трудяжка, денежки нам зарабатываешь... просто молодчина! Пока! – Она, не дав мужу договорить, отключила телефон и набрала мать.

– Мам, только не шуми, дослушай... Я сказала Вове, что сегодня ночью у тебя. Если будет звонить – подтверди и скажи, что уже легла спать.

В трубке воцарилось молчание.

– Мам, ты слышала, что я тебе только что сказала?..

– Марго, ты сейчас у него?.. Он рядом, слышит наш разговор? – Голос Нины был встревожен и звучал глухо.

– Слышит, не слышит – какая теперь разница? Я остаюсь ночевать тут... Дайте мне любить того, кого я хочу! И вообще – не нужно этого трагичного голоса! Поняла?..

– Поняла... – Нина вздохнула и отключила мобильный.

Она ходила в церковь, молилась Богу в поисках ответов, но все равно не знала, как нужно жить и куда идти. Михаил раскачал ее, всколыхнул память о прошлом, напомнил ей, что она – женщина... И сейчас Нина терялась, мысли в ее голове путались и улетали в запредельные дали сокровищницы невозвращающихся вопросов.

Дочь, ее маленькая девочка, еще недавно прыгающая через веревочку во дворе, совершала ужасные поступки! Меняла мужчин, путая любовь с капризным желанием получить все, что нравится и блесит...

«Наверное, – подумала она, – сейчас другое время, и каждый берет себе все, что может унести...» Вот и Марго делает это по-своему, ее цели вполне понятны и предсказуемы.

Нина подошла к иконам в спальне и перекрестилась. Прощептав молитву, она попросила прощения у Господа за дочь, и взмолилась об избавлении той от наказания за грех прелюбодеяния.

Вернувшись на кухню, Нина налила себе чая в огромную кружку, и стала медленно пить его. За окном начинался дол-

гий осенний дождь.

– Останешься у меня!? – произнес Михаил сразу после того, как Марго положила трубку, поговорив с Ниной.

– Да. А что, ты не рад? Только одно условие: меня больше не кантовать, не тягать и не дуть никуда. Я пойду в туалет, а ты разожги камин, зажги свечи и захвати с собой соль и текилу.

Она встала и привычно, как будто делала это всегда, поцеловала его и вышла из кухни. Ее обтягивающая кофта и полоска трусиков разбудили его желания новыми фантазиями.

Михаил сделал все, о чем она попросила, и еще добавил к десерту плитку швейцарского шоколада, а после отправил московскому гостю емс о том, что начало работы переносится на утро.

Марго вернулась в его махровом халате и, тут же удобно расположившись напротив камина, скомандовала:

– Чего сидишь, наливай!! Хочу выпить на брудершафт, смотри, как... Я наливаю две рюмки и держу их в руках, ты насыпаешь соли на свои кулаки, и мы начинаем пить, скрестившись руками.

– Ни фига не понял... Как скрещивать руки, с какого кулака тебе дать... – Михаил замолчал, а потом, поняв смысл произнесенных им слов, принялся искренне смеяться. – С какого тебе кулака дать! – произнес он снова. – С левого или с правого.

Она тоже засмеялась: два огромных, крепко сжатых кула-

ка у ее лица выглядели одновременно угрожающе и забавно.

Михаил протянул ей левый кулак, она лизнула соли и выпила, он повторил те же действия и поставил пустую рюмку на пол; их губы, храня вкус текилы, соединились в долгом и нежном поцелуе.

Огонь потрескивал сухими дровами, тепло ласкало и создавало настроение. Марго распахнула халат и, посмотрев на Михаила, произнесла:

– Уже не могу без тебя и твоего тела... Что ты со мной сделал?.. Только сейчас, умоляю, делай все нежно и не нужно стараться проткнуть меня насквозь, доказывая свою мощь... Я люблю ласку и неспешность.

– Ты точно этого хочешь? Час назад ты говорила, что у тебя все болит. – Он пристально посмотрел на Марго и лукаво улыбнулся. – Придуривалась?

– Нет, медведь ты мой! У меня и правда все болит, и между ног сильно жжет, но уже не могу без твоих рук, твоего тела, ласк и «его»... – Она положила ладонь ему на ширинку джинсов. – А потом... Ведь я все равно осталась у тебя ночевать, так не пропадать же моему прекрасному телу в одиночестве. – Она немного приподнялась и скинула с себя халат. Языки огня ярким отражением заиграли на ее обнаженном теле.

Утром, когда Михаил проснулся, ее уже не было. Это показалось странным, ему представлялось, что Марго – неженка и большая любительница поспать, но факт оставался фак-

том – женщина ушла.

Зайдя в ванную, он встал под теплую струю воды; усталость еще жила в его теле. Ночь, наполненная с сексом и алкоголь, терзающий его утренней жаждой, сделали свое дело – он чувствовал себя разбитым и вялым.

Надев халат, Михаил спустился на кухню, выпил два стакана холодной воды из-под крана и, поставив чайник на плиту, уселся напротив окна.

Дождь вяло постукивал по металлическому козырьку подоконника, взбивал в лужах пузырьки и мочил нерадивых пешеходов, вышедших из дома без зонтов.

– Да, это не Ливан... – произнес он, привычно разговаривая сам с собой. – Там-то сейчас отлично, градусов двадцать пять, наверное... А то, может, и больше.

Чайник вскипел, и Михаил, налив в бокал кипятка, опустил туда пакетик зеленого чая.

Размышления о Бейруте и проделанной там работе пришли к нему как-то сами собой, и он с удовольствием погрузился в воспоминания.

Четыре года тому назад он прилетел в Ливан в поисках новых партнеров по ювелирному бизнесу. Эта страна была выбрана не случайно – большая армянская диаспора, проживающая здесь веками, славилась своими ювелирами и мастерами-огранщиками.

Шагая по старой, туристической части города, он просто заходил в магазины по продаже драгоценностей и антиквариата, предлагая совместную работу в Москве.

Искал он тогда недолго... Вскоре одна армянская семья, заинтересовавшись возможностью открыть свой магазин в Москве, пригласила его обсудить детали и подробности их дальнейшей работы.

Через час они ударили по рукам, договорившись, что он строит магазин, а они привозят ювелирные украшения на условиях предоплаты.

Всю обратную дорогу до Москвы он думал, рисовал и соединял варианты очень медленного вхождения в ливанскую компанию с целью присвоения драгоценностей.

Михаил хорошо помнил то, самое первое совещание в офисе своей московской компании.

Тогда лицо его шефа, бывшего генерала из ведомства во-

енной разведки, было скучным. Реверансы, крючки и длительное ожидание не являлись его стилем, но простота плана и необычность действий Михаила подкупила его, и начальник согласился.

Весь план строился на жадности и тщеславии поставщиков товара. «Армяне, – рассуждал Михаил, – обязательно согласятся отдавать свои украшения на условиях предоплаты за наличный расчет». Для них это были быстрые и неучтенные в налогах деньги.

Вывоз украшений из Бейрута он планировал только по черной схеме. Во-первых, сэкономились деньги на растаможивании, а во-вторых, – и это было важным условием его плана, собственник товара терялся – он не располагал официальным контрактом и таможенными накладными по отправке товара и, следовательно, не мог обратиться за помощью в милицию.

«Но, – рассуждал он тогда на совещании, – украшения в магазине обязательно должны иметь сертификаты происхождения и прочие сопроводительные документы».

В решении этой проблемы Михаил предложил использовать возможности компании и создать где-нибудь в Сибири, – конечно же, используя связи шефа, маленькое ювелирное производство, разместив его на режимном военном заводе. Так сказать, подальше от глаз проверяющих структур.

Потом ему и привлеченным к операции сотрудникам компании нужно было бы много работать, и в тот момент, когда

масса вложенных в бизнес денег станет значительно меньше стоимости драгоценностей, находящихся в магазине, перестать отправлять наличные деньги в Ливан, ссылаясь на трудности продаж и сложности Российской экономики.

«Поставщики товара, – говорил тогда Михаил, – неожиданно перестав получать деньги, обязательно должны начать нервничать, и будут ругаться с руководством магазина. А потеряв терпение, прилетят в Москву проверить наличие ювелирных украшений».

Тогда, на совещании руководства компании, он назвал свой следующий шаг той самой изюминкой плана, которая и выводила операцию на финальную стадию.

Ливанцы, проведя сверку, сразу заметят недостачу. Являясь собственниками товара, они со скандалом заберут украшения и начнут думать, как вывезти все из Москвы.

И, конечно же, за помощью по перемещению драгоценностей обратно в Бейрут, армяне обратятся только к Михаилу. Они, привыкнув за столько лет работать вместе с ним, легко поверят и примут предложенный план вывоза украшений через белорусско-польскую границу на автомобиле.

– Да, удивительно, но потом все прошло, как по нотам, – снова, после паузы, заполненной воспоминаниями, заговорил сам с собой Михаил. – И даже никаких импровизаций не понадобилось. А какую замечательную финальную точку я поставил в этой истории! – Он иронично ухмыльнулся и снова налил себе чая.

Поднявшись на второй этаж, Михаил сорвал яблоко прямо из окна.

– Какие испуганные у них тогда были лица! Отменно! Да, тогда все получилось отменно и точно... – Он сел в кресло напротив окна и опять стал смотреть на дождь, продолжая вспоминать свой последний день в ювелирной операции.

Он, три его ливанских партнера и полтора миллиона долларов в золотых украшениях, спрятанных во втором дне большого чемодана с личными вещами, утром приехали на железнодорожный вокзал города Бреста.

Арендовав такси до ближайшего польского города Белосток, они, не теряя времени, поехали к границе и, не доезжая до нее двух километров, уперлись в длинную очередь желающих выехать в Польшу, чтобы поторговать.

Медленно двигаясь и праздно болтая о жизни, они убивали время в ожидании скорейшего прохождения границы. Как вдруг прямо напротив них, посередине встречной полосы, остановился большой, черный, с тонированными стеклами микроавтобус «Мерседес» с московскими номерами.

Из автомобиля вышли трое мужчин, одетых в костюмы, и направились прямо к ним.

Люди, стоящие в очереди, замерли; каждый подумал о чем-то своем и напрягся.

– Попрошу всех выйти из такси! – произнес самый старший из троицы, предъявляя удостоверение сотрудника московского управления внутренних дел.

– А в чем, собственно, дело? – заговорил Михаил первым. Ливанцы застыли, словно ледяные статуи. Холод плохим предчувствием побежал по их венам.

– Предъявите ваши документы для проверки! – Два других сотрудника подошли к такси вплотную.

Михаил как можно спокойнее попросил всех отдать ему паспорта.

– А теперь, – снова заговорил старший, забирая документы у Михаила и пряча их во внутренний карман своего пиджака, – встаньте на обочину, рядом с машиной, и не шевелитесь. Мы проведем досмотр ваших личных вещей. К нам поступила информация, что вы нелегально вывозите из страны драгоценности.

Ливанцы, оттесненные от машины на обочину двумя молодыми оперативниками, почернели в лицах, наблюдая, как старший стал досматривать багаж, бесцеремонно выбрасывая вещи прямо на дорогу.

Добравшись до большого чемодана, он двумя движениями освободил его и, простукивая дно, пристально посмотрел на стоящих.

– Что тут?

Ответом ему стала тишина.

– Так, молчите, не хотите сотрудничать? Хорошо! – Он достал нож и ловко прорезал в плотном материале широкую полосу.

Невольные свидетели происходящего, с волнением и ин-

тересом наблюдая за действиями оперативников, подтягивались к месту набирающих обороты событий поближе.

Старший, просунув руку в образовавшееся в дне чемодана отверстие, достал оттуда горсть украшений и, повернувшись к Михаилу, громко произнес:

– А вот это – чье? Всех задерживаю до выяснения обстоятельств!

Молодые оперативники стали грубо толкать ливанцев и Михаила к черному микроавтобусу.

– Вы и вы! – Старший показал пальцем на водителя такси и мужчину, сидящего за рулем соседнего «Ниссана». – Поедете с нами, будете свидетелями обыска и задержания.

– Нет-нет, стоп! Не трогайте их! – Михаил показал пальцем на умирающих от страха ливанцев. – Они тут ни при чем. Все это – мои украшения, и это я хотел нелегально вывезти их за границу. Эти люди не виноваты, не нужно их задерживать, они всего только простые попутчики.

– Вы! – Лицо старшего было грозным, а взгляд – тот просто убивал на месте. – Руки сюда!!!

Михаил протянул руки, и наручники больно упали на запястья.

– В машину его, быстро! Свидетели... – Он посмотрел на двух, названных им ранее, водителей. – Едете за нами, до Бреста. А вы... – Он оглянулся на жавшихся друг к другу ливанцев. – В другой раз не садитесь в такси с незнакомыми людьми! – Старший достал их паспорта из кармана пиджака

и с пренебрежением бросил на дорогу.

Молодые оперативники подхватили Михаила и быстро захихнули его внутрь салона. Спустя мгновение украшения, черный «Мерседес», такси и «Ниссан», поднимая пыль, уже удалялись от границы и стоящих посреди дороги ливанцев, озирающихся по сторонам в попытках понять происшедшее.

Проехав километров пять, старший снял с Михаила наручники, такси и «Ниссан» свернули на проселок и исчезли из вида.

Черный «Мерседес» привез его в пригород Бреста. К тому самому дому, в котором он сейчас сидел и пил чай с яблоками.

Прощаясь, старший наконец-то улыбнулся, передал ему пакет с деньгами, ноутбук и, похлопав на прощание по плечу, произнес:

– А ты молодец! Хорошо сыграл испуг и признание. Прощай, «ворток».

Он повернулся, сел в машину и уехал, увозя драгоценности обратно в Москву.

Сейчас Михаил вспоминал это с удовольствием, во-первых, потому, что это было всего несколько дней назад, а во-вторых, все закончилось хорошо, как он и планировал. Полученные украшения включались в белорусскую игру и становились приманкой для новых алчных людей, готовых на все ради бесплатного сыра в его мышеловке.

Михаил зевнул, усталость не проходила. Он поднялся и,

пройдя в спальню, лег на кровать.

Проверив телефон, он не увидел ни пропущенных звонков, ни сообщений.

– Может, и действительно – поспать... – произнес он вслух, накрываясь одеялом. – Теперь Марго от меня никуда не денется, да и человек из наружки ее уже крепко держит в руках электронной системы прослушивания. Спать, спать, спать! – скомандовал он себе и, выбрасывая все из головы, очень быстро погрузился в страну цветных грез.

Марго же этим утром проснулась рано. Тяжелая рука Михаила придавила ее грудь. Она не любила чужие постели, да и мочевого пузыря уже настойчиво подавал сигнал голове, желая избавиться от накопленного за ночь.

Зайдя в туалет, и едва начав умываться, она почувствовала неприятное жжение и боль в нижней части живота.

– Вот, паршивец! – вырвалось у нее ругательство. – Теперь все болеть будет... Нужно заехать в аптеку, купить какие-нибудь свечи обезболивающие.

Марго подошла к зеркалу и, открыв кран с водой, стала осматривать себя. Ни синяков, ни царапин, ни покраснений она не заметила.

– Вот я какая! – сказала она с гордостью и кокетством. – Ночь любви, и – никаких следов. Отлично! – Марго умылась и вернулась в спальню.

Ее «медведь» спал, она провела ладошкой по его бицепсу и с удовольствием отметила, что до сих пор у нее не было

таких сильных и выносливых мужчин.

Оглядевшись по сторонам, она нашла свою одежду и, поправ ее, вышла в холл второго этажа.

– Пожалуй, поеду к матери... А то вдруг отец утром pretends на завтрак, а меня там нет. Оправдывайся потом! – рассуждала она, одеваясь.

Захлопнув дверь дома, она быстро добежала до своего джипа, завела его и, даже не прогревая двигатель, рванула вперед, абсолютно не замечая у себя за спиной старый жигуленок.

Город еще спал, улицы наполнялись дешевыми машинами. Сидящие в них люди спешили на работу – из теплых постелей их выгнала нужда.

Припарковав машину у подъезда матери, Марго поднялась на пятый этаж и открыла двери своим ключом.

Нина уже проснулась, но еще лежала, пытаясь вспомнить картинки из своего странного ночного сна.

Марго вошла в спальню, не говоря ни слова, разделась и легла рядом с матерью, поднимая глаза на потолок.

– От тебя пахнет алкоголем, – тихо произнесла Нина. – Ты, наверное, не выспалась?..

Марго вздохнула и, повернув голову в сторону Нины, посмотрела на нее.

– Да и выглядишь ты не очень... Губы распухшие, синяки под глазами...

Марго снова вздохнула, повернулась на противополож-

ный от матери бок и закрыла глаза. Квартира Нины была ее знакомой территорией и она, наконец-то почувствовав полное расслабление, сразу провалилась в сон.

Во сне он опять ласкал ее, улыбался, кругом было море и светило яркое солнце.

Она чувствовала, как ей хорошо и приятно с ним.

Они бегали по песку, чайки сидели на воде, Михаил протянул ей два кулака и спросил: «Тебе с какого кулака дать – с правого или с левого?»

Она шлепнула кончиками пальцев по левой руке и он, разжав кулак, поднес прямо к ее лицу на открытой ладони кольцо с большим круглым бриллиантом, горящим на солнце всеми цветами радуги.

Марго вскрикнула, восторг наполнил ее сознание желанием жить, летать, любить! Она взяла кольцо в руки, и...

– Девочка моя, что с тобой?.. – Услышала она сквозь сон чей-то настойчивый голос. – Просыпайся! Тебе плохо, ты заболела?! Нина Васильевна, Масику плохо, она кричит во сне! Идите скорее сюда!!

Ох, как Марго не хотелось... очень не хотелось открывать глаза! Там, во сне, осталось удивительной красоты кольцо, и она не успела ни померить его, ни даже разглядеть, как следует.

– Вова! – раздраженно произнесла она. – Ну, что ты разорался ни свет, ни заря? Это просто сон! И вообще, кто тебя учил так будить человека?! У меня от твоих воплей сейчас

сердце выпрыгнет!

– Ой, Масик, прости! Я уж подумал, ты заболела. Я, вот, пришел, – стал сбивчиво говорить Володя, пытаясь загладить свою оплошность, – и слышу, ты во сне кричишь. Мама говорит – тебе плохо! И сейчас уже не утро, а третий час дня...

Марго открыла глаза и посмотрела на мужа.

– Третий час дня? – удивленно повторила она. – Странно... А кажется – только задремала. Ладно, Масик, я встаю. Пойду приму душ, а ты свари кофе и попроси маму сделать мне горячий бутерброд с какой-нибудь колбаской...

В ее голове появилась мысль, что она не может вот так встать и пройти в ванную на глазах у мужа, в одних трусиках – вдруг на спине или ягодицах все-таки остались синяки или покраснения... И женщина заговорила снова:

– Масик, ну, чего ты сидишь! Не волнуйся, со мной все хорошо, я сейчас немного поиграю в потягушечки, и встану. А ты иди скорее, делай кофе и готовь мне завтрак! Иди, иди...

Вова виновато улыбнулся и вышел из спальни.

Марго быстро откинула одеяло и поднялась. Накинув на себя мамин халат, она юркнула в ванную комнату и закрыла за собой дверь на щеколду.

Горячий душ возвращал ее к жизни. Прислушавшись к себе и своим ощущениям, женщина с удовольствием отметила, что боли в промежности успокоились, да и жжения больше не чувствуется.

Обтершись полотенцем, Марго стала крутиться перед зеркалом в поисках следов своего ночного приключения – на строение ее стало подниматься и игриво прыгать: тело не болело, синяков не было. Она замечательно правильно поступила в том, что приехала рано утром к матери и легла спать. Теперь ее переполняла гордость за свои женские инстинкты.

Выйдя к завтраку, Марго с наслаждением пила кофе и ела. Она смотрела на своего мужа, – он что-то рассказывал о трудностях компьютерной программы, но думала и видела перед собой только Михаила.

Нина бросала на нее короткие, колющие взгляды, муж заботливо смотрел в ее глаза, а она, словно никого не замечая, уже всеми своими мыслями и желаниями хотела пить это кофе в ЕГО доме, глядя в ЕГО глаза.

– Так! – неожиданно даже для себя самой произнесла Марго, посмотрев на мужа. – Масик, у мамы появился замечательный знакомый. Он приехал из Москвы, и занимается продажей ювелирных украшений. Нина хочет пригласить его к себе на ужин, и заодно посмотреть, что у него за товар. Во-ва, правда же – ты не будешь против, если я тоже присмотрю себе что-нибудь?

Нина замерла посередине кухни и посмотрела на дочь.

– Мам, давай устроим пир завтра вечером! Ты купи на рынке продуктов, а я после обеда приду и помогу тебе готовить.

– Завтра вечером, – задумчиво произнесла Нина. – Хоро-

шо. – Она подошла к зятю. – Вова, а ты сможешь завтра подойти к нам? Посоветуешь Марго, что именно приобрести, заодно я познакомлю тебя с Михаилом, моим... новым знакомым. – Она оглянулась и пристально посмотрела на дочь.

– Ну, вот и отлично! Значит, договорились, – улыбаясь, произнесла Марго. – Мамулечка, а чего это ты и зятя, и дочь родную в обед бутербродами кормишь?! У нас что, борщика никакого нет? И винцо давай, доставай, а то ишь – расслабилась совсем! Правда, Масик?..

– Нет-нет! – Замахал руками зять. – Нина Семеновна! Бутерброда мне было вполне достаточно! Да и на работу нужно ехать... Поэтому вы уж тут без меня давайте. – Он поднялся, суетливо заторопился и, махнув на прощанье рукой, вышел из квартиры.

Сев в автомобиль, Вова посмотрел по сторонам, обдумывая, как ему лучше выехать со двора, забитого ночующими машинами. Впередистоящая пятая модель «Жигулей» прижалась к нему слишком плотно и он, маневрируя, только в несколько заходов смог выехать с места парковки.

Человек, сидящий на заднем сидении «Жигулей», проводил взглядом отъезжающий автомобиль, поправил направленный микрофон и, добавив звука на записывающем устройстве, услышал в своем наушнике:

– Дура ты, Марго, с огнем играешь... Такой муж у тебя хороший! И умный, и симпатичный, деньги тебе зарабатывает... а ты?

– Мама! Вот, только не надо мне всей этой твоей лабуды церковной! Правда, налей лучше супчика какого или щей... Есть хочу, умираю!

Нина отошла от окна и стала разогревать для дочери обед. Марго поднялась, осмотрела бар и, выбрав чилийское белое вино, налила два фужера.

– Знаешь, мам... – сделав небольшой глоток, начала она говорить. – Я вообще не уверена, умею ли я любить... Вова действительно очень хороший, поэтому я и вышла за него замуж. Все боялась – достанется какой-нибудь стерве... А теперь, вот, даже и не знаю... Он всегда рядом, на все ради меня готов, а мне с ним скучно и временами совсем тоскливо. Понимаешь, не герой он! Бывает, целует он меня, любовью со мной занимается, и ничего во мне не оживает, словно я какую-то обязательную работу делаю.

Нина вздохнула и поставила прямо перед дочерью тарелку дымящегося борща.

– И что же ты теперь делать будешь? Бегать к Мише на свидания и постоянно врать? Еще и меня в это втянуть хочешь! Ты же знаешь, я могу и засыпаться. Если Вова твой ничего не увидит, то отец-то уж точно тебя со временем вычислит!

– Ой, вкусно как! Здорово ты готовишь, прямо пальчики оближешь! Отец, говоришь... а что – отец?.. Я узнала – он сейчас глаз положил на Тамару из какой-то там строительной компании. Ему не до меня теперь будет.

– Какую такую Тамару? – оживилась Нина, отпивая из фужера.

– Ой, да смех один, и только! Она высокая, вся из себя симпатичная, а он шибздиком таким вокруг нее бегают... заезжает к ней каждый день – кофе попить. Попросил купить ему дорогих кремов от морщин, в спортзал вместе с ней ходит, мышцы свои ей показывает...

– Как ты думаешь, они спят уже? – произнесла Нина расстроенным голосом. – Слушай, а если сейчас у него, как это в прошлый раз было, крыша на молодую поедет, и он начнет деньгами кидаться, машины и шубы ей покупать?..

– Спят?! Думаю, что нет. Он сам, по-моему, не знает, чего хочет. Тамара – та точно была б не против, да только, вот, папочка наш дорогой бредятину всякую несет. Думает, его кто-то любить без денег будет. Совсем на старости лет офигел! Я ему говорю: папа, приди в себя! Молодые девушки любят молодых парней, а таких как ты – уважают. И то – только за успехи в бизнесе и деньги заработанные. Поэтому, мама, ты можешь даже и не волноваться. Он, конечно, на девок-то косится, но любит только себя самого. Ты только посмотри, какие папа деньги тратит! Все эти массажи, крема, косметические салоны... а следит за собой как! Словно сто лет жить собирается. Нет, можешь не волноваться. Тебя довольствия не лишат, а потом... Тамарке серьезные отношения нужны. Ей под тридцать уже, детей нужно рожать, семью нормальную заводить, а папику это все точно не нужно. Давай, луч-

ше, выпьем за моего Мишаню, за эту машину любви... кстати, вот там мышцы, так мышцы – железо!

Они подняли бокалы, чокнулись, посмотрев друг другу в глаза, и выпили вино, каждый по-своему представляя себе Михаила.

Неожиданный, резкий звонок в дверь заставил их вздрогнуть.

Нина пошла открывать, и уже через секунду на пороге прихожей появился отец, как обычно чем-то недовольный и раздраженный.

– Мать, давай скорее есть! – громко произнес Виктор. – Привет, дочурка! Ты, я вижу, тут борщиком разминаешься... О! Да вы и винцом среди рабочего дня балуетесь, как я погляжу. Вот какую я вам хорошую жизнь создал – с утра можете позволить себе гулять начать!

– Привет, пап, – ответила Марго, подставляя ему щечку для поцелуя. – Похоже, ты нам завидуешь! Так не волнуйся, мы и тебя в свой дружный коллектив возьмем. Правда, мам?

– Да, Витя... – Засуетилась вокруг бывшего мужа Нина. – Хочешь, дедовой самогоночки налью, для аппетита, под первое?..

– Самогоночки, говоришь... И что же я, один пить буду? Компанию-то мне кто составит?

– Я, – откликнулась Марго, отодвигая от себя пустой фужер из-под вина. – Давай-ка, мам, наливай, и закусочки еще подрежь... А может, у тебя в холодильнике салыце домашнее

осталось – так я не откажусь!

Нина забежала еще быстрее, и через несколько минут уже налила три рюмки и, подрезав еще закуски, села за стол и сама. Обед плавно перешел в застолье, разговоры и громкий смех смешались с аппетитом и желанием выпивать.

Через час Марго, изрядно захмелев, решила, что ситуация достигла необходимой кондиции для представления Михаила отцу.

– Папа, слушай сюда, чего мы хотим тебе с мамой рассказать, – стала она коверкать слова и голос, пытаясь показаться более пьяной, чем была на самом деле. – У нас недавно появился знакомый ювелир...

– Оп! – Жестом остановил ее Виктор. – Ювелир? Это вы молодцы! И что же вы хотите этим сказать? Наверное, задумали что-нибудь себе прикупить? Я угадал?..

– Папик! – Словно играясь, легонько подтолкнула его Марго. – Купить – это, конечно, отлично... но мы вообще о другом. Он очень интересный и привлекательный человек, много знает и много стран посмотрел...

– Девочка моя, что ты затараторила! – Потянулся Виктор за вновь налитой рюмкой. – Познакомить меня с ним хочешь? Проблем нет! Приглашайте его в гости хоть завтра, и посидим, поговорим, посмотрим на твоего ювелира... – Он выпил и поставил рюмку на стол вверх ногами.

– Папа, ну почему сразу – моего! Он наш – с мамой и Вовой – общий друг. – Марго тоже выпила и, перевернув рюм-

ку, поставила ее рядом с отцовской.

– Марго... – Он обнял дочь и наклонился к ее уху. – Я – твой отец. И думаешь, я не вижу, как блестят твои глазки?.. Запомни все, что я тебе сейчас скажу, прямо вбей в свою память. Что бы ты ни сделала, кого бы ты ни захотела в своей жизни, я... – Виктор положил ладонь себе на грудь и принял позу человека, дающего клятву. – Буду всегда тебя поддерживать. Ты – не эта клуша! – Он показал пальцем на Нину. – Ты знаешь, как жить. Заводи себе полезные и нужные связи, пользуйся слабостью других людей, люби себя больше всего в жизни, ну и... – Виктор сбился и замолчал. – И всякое такое. Словом, ты меня поняла. Все, девочки, я поехал! У меня еще встречи и дела.

– Какие дела – ты столько выпил! Марго, скажи отцу, пусть за руль не садится – милиционеров на дорогах много, могут быть проблемы. – Нина встала у выхода, в ее глазах читались просьба и мольба.

– Это ты сейчас про кого такое сказала, монашка? – Виктор надел куртку. – Да у меня проблем просто быть не может! Я три дня назад парился в бане с прокурором города, так он мне «нечепайку» выписал! Удостоверение такое... Все менты теперь от меня врассыпную, а она – проблемы... Каркаешь тут! Отойди в сторону!

Виктор, стараясь держаться бодро, шагнул в коридор и, не дожидаясь лифта, пошел по лестнице вниз. У него действительно имелись дела, и ему нужно было уходить.

Пока Нина провожала отца, Марго вспомнила, что давно не проверяла свой телефон.

Отыскав его в сумочке, она с сожалением отметила, что Михаил с ней на связь не выходил.

Поразмыслив немного, она написала ему короткое сообщение со словами гнева и шутливых угроз.

– Михаилу пишешь... – Услышала она голос Нины, вернувшейся к столу. – Ну, все, закрутила! И Вове своему про него рассказала, и отцу... Зачем, вот, только тебе это нужно? Тянешь за один семейный стол и любовника, и мужа.

– А что тут плохого? Вова никогда не догадается, что Миша мой любовник, а отец, – ты же сама слышала, во всем меня поддерживает. Подумаешь! Муж, любовник... они все теперь мои, и я ни с кем делиться не собираюсь! – Женщина засмеялась. – Пусть так и сидят рядом со мной! Я сказала!!

– Ой, да делай ты, что хочешь! Я пойду, полежу немного... а то устала бегать тут перед вами, в прислугу уже превратилась.

Марго встала и потянулась, под халатом она была обнажена. Мысли заработали только в одну сторону – ей опять очень захотелось увидеть Михаила.

Быстро одевшись, уже через тридцать минут она стояла на крыльце его дома.

Услышав звонок у входной двери, Михаил откинул одеяло, поднялся с кровати и посмотрел из окна спальни на улицу – на парковке стояли джип «Мерседес» и пятая модель

«Жигули».

– О, какая ты ненасытная! – пробормотал он, надевая по дороге к входной двери футболку.

– Здравствуй, любимый мой! – Марго поцеловала его и, не останавливаясь в прихожей, прошла на кухню. – Ты только проснулся? – Она вытащила из пакета литровую банку, закрытую пластиковой крышкой. – Это мамин борщ. Вкусный, пальчики оближешь! – Она скинула на табуретку белую куртку, расшитую на спине стразами Сваровски.

Михаил подошел к ней вплотную и обнял.

– Марго, ты что, принесла мне еды? Так ты заботишься обо мне?

– Конечно. – Она улыбнулась и чмокнула его в щечку. – Я очень хорошая, красивая и добрая женщина. А потом, ты всю ночь трудился, доставляя мне удовольствие, и теперь мне тоже хочется тебя отблагодарить... Нет! Неправильно сказала, хочется стать для тебя близкой и любимой. – Она посмотрела в его глаза, где-то глубоко внутри ее души ожило и зашевелилось что-то приятное и светлое, словно только что родившись. Ей показалось, что с ней никогда такого не было.

Ангелы и демоны, живущие в душе у каждого из них, перепутались местами и уступили место порхающим амурам. Счастье и радость потекли по их венам потоками любви и желания.

Он опять поднял ее на руки и понес в спальню. Марго об-

хватила его руками за шею и тихо произнесла:

– А как же мамин борщ?

– Ты вкуснее в миллион раз, – ответил Михаил.

Помогая ей раздеться, он прислушивался к себе и таял от собственного страха. Ощущение, что она начинает нравиться ему, заполняло его мысли, он боялся и одновременно шел вперед.

Марго тоже не понимала, что происходит с ее головой и сознанием: откуда-то из дальних глубин души зазвучали сентиментальность и трепетность. Его губы и ласки рождали в ней волну неизвестных ей ранее чувств. В ту секунду, когда она снова ощутила его в себе, Марго поняла: к ней пришла любовь, и на этот раз – настоящая и единственная.

Она обняла его сильное тело и задрожала.

– Что? – Михаил, перестал двигаться и посмотрел на нее. – Я делаю тебе больно?

Она задрожала еще больше и открыла глаза.

– Любимый мой, такого никогда не было в моей жизни! Я кончила, я не смогла удержаться, это было выше моих сил! Ты, ты... – Она вдруг заплакала, словно маленький ребенок и, обхватив его голову руками, зажмурилась от наступившего состояния счастья и сладкого душевного трепета.

– Ты больше не будешь Марго, – заговорил Михаил, вытирая ей слезы. – И Ангелиной я тоже не хочу называть тебя. Ты – мой ангел, моя мечта, моя жизнь! – Он попытался из последних сил восстановить свое спокойствие и рассуди-

тельность, но не смог. И добавил: – Моя единственная и любимая женщина...

Она с силой прижалась к нему и зарыдала еще сильнее.

«Боже, да я сам пропал!» – мелькнули последние мысли из его прошлой жизни.

Михаил притянул ее к себе; ангел с плачущими глазами шмыгал носом и терся ногами о его бедро. Наступал вечер их второго дня, дождь опять застучал по подоконнику, на улице зажглись фонари, а им было тепло и хорошо. Желание прожить так всю жизнь пробежало в их головах наивной радостью.

Однако в этой огромной и сладкой бочке их меда была и ложка дегтя... Ей пора было вставать и идти домой к мужу, пусть даже и не любимому.

Поэтому минут через пять она, собравшись с силами, произнесла это вслух.

– Миш, я умираю без тебя! Не могу передать, как мне тяжело и больно оставлять тебя даже на одну секундочку, но мне нужно идти... – Она подняла на него глаза, те еще были влажны от слез.

Михаил молчал, все в нем перемешалось. Пришедшая к нему любовь принесла с собой и ревность.

– Полежи со мной еще хотя бы пять минут, а то я уже начинаю скучать, – неожиданно для себя он произнес эти слова с таким волнением и сожалением, что Марго, словно получившая от него волну этих же чувств, кинулась целовать

его с новой силой нахлынувших на нее эмоций.

– Не пойду, никуда не пойду! Ничего не хочу!! Только тебя, только ты мне нужен. К черту мужа и все приличия, хочу заснуть в твоих объятиях и окруженная твоей любовью...

Осыпая друг друга поцелуями они, разбрасывая подушки с одеялами в разные стороны, снова погрузились друг в друга, больше не думая и не вспоминая ни о ком и ни о чем...

Их разбудил настойчивый звонок в дверь. Михаил подскочил и выглянул в окно – на парковке стояла машина Нины.

– Кто там? – спросила Марго тихим голосом.

– Это Нина. Похоже, она приехала за тобой, – произнес Михаил, надевая джинсы и свитер.

– Бляха муха! А сколько сейчас времени?

Выходя из спальни, он показал пальцем на часы, висящие на стене.

– Десять минут двенадцатого.

Нина была зла.словно сирена, она влетела в открытую дверь с криками и вопросами.

– Где она? Вы что тут, совсем с ума сошли? Она всю прошлую ночь дома не была, теперь вторая наступает, а вы даже на телефонный звонок ответить не можете! Муж ее звонит весь вечер, я вру, несу всякую ерунду, думаю – сейчас появится, сейчас появится, а вы тут... Михаил, ну, а ты-то! Так же нельзя, ты же взрослый человек! Должен же понимать, что у девочки есть муж. Это же огромный скандал будет, зачем вам обоим это нужно?!

– Ладно, мам, не шуми! – попросила вышедшая из спальни Марго. – Мы просто заснули и забыли о времени, не ругайся.

– Не ругайся – легко сказать! Отец тоже звонил, говорит: куда пропала? Набирал тебе на мобильный, а от тебя – ни слуху, ни духу.

Михаил принес из кухни куртку и стал помогать Марго одеваться. Нина стояла рядом и молчала, понимая, что им нужно проститься.

– Миша, я... – сказала Марго и как-то поперхнулась на полуслове. – Мама, я не могу дышать без него, ходить, видеть! Ничего не могу... – Слеза покатилась по ее щеке, а глаза отразили боль от ощущения надвигающегося расставания.

– Ангел мой, не плачь! – Он обнял ее и поцелуем поймал следующую соленую слезу.

Глаза Нины расширились от удивления, она замерла. Проявление подобной силы чувств она видела у своей дочери в первый раз в жизни.

– Все! – выдохнула из себя воздух Марго. – Забирай меня! А то я не выдержу и останусь тут. Навсегда!

Нина, ошарашенная и напуганная происходящим, тихонечко потянула дочь за рукав куртки и медленно, непрерывно оглядываясь на Михаила, пошла к выходу.

Они вышли из дома и направились к своим машинам. Михаил подошел к окну; он видел, как они отъехали. В доме остались тишина и пустота; из головы словно откачали воз-

дух, мысли партии в невесомости и отталкивались друг от друга, не принося понимания произошедшего. Его блестяще разработанная операция, жена и дети в далекой Москве – все сейчас разбивалось о неожиданно возникшее препятствие – появившееся и затрепетавшее в нем чувство любви к совершенно пустой и эгоистичной, – как он думал раньше, женщине.

– Ангел... – произнес он в тишину дома. – Мой нежный ангел, куда же ты улетел?..

Сев за стол, он с удовольствием съел холодный борщ прямо из банки, вздохнул и пошел в спальню.

Там, на кровати, лежала ее большая заколка и белый листочек, помеченный прощальным отпечатком красных губ.

Он выключил свет и лег. Пустота не уходила из его головы. Ее лицо, улыбка, тело стояли перед глазами и ныли сладкой болью наступившей разлуки.

– Да, – произнес Михаил, – такого в моих планах не было. Утром нужно все это хорошенько обдумать... хотя... – Он улыбнулся. – Нет-нет, все же утром. Подобные рассуждения – только на утреннюю голову, свежую и остывшую.

Закрыв глаза, он обнял подушку, еще немного покрутился, вспоминая два прожитых вместе с Марго дня, и вскоре уснул, улыбаясь собственным мыслям.

Утро наступило легкой простуженностью дома, осенняя прохлада прошла сквозь деревянные стены и встретила Михаила бодрящим холодком.

Быстро поднявшись, он пробежался по комнатам, добавил температуры в электрических батареях отопления, зажег камин и сделал зарядку.

Теплый душ и горячий чай высоко подняли планку его настроения.

Ему очень захотелось что-то сделать, подпрыгнуть, взлететь над землей, ощутить сладкое чувство любовного дурмана, без причины совершить глупость, а потом долго смеяться над этим.

Зайдя в спальню, он, без всякого плана, отталкиваясь только от ощущений, начал передвигать кровать и тумбочки. Вчерашние его мысли и чувства сейчас казались не такими уж сложными и противоречивыми.

Состояние неожиданной влюбленности жило в каждой клеточке его тела, а разум и рассудительность, проснувшиеся вместе с ним этим утром, говорили ему, что лучшим советчиком в этой ситуации будет время.

Раздавшийся звонок в дверь не стал для него неожиданностью, Михаил даже не стал смотреть в окно, он знал: на крыльце стоит Марго.

Она обняла его, как только дверь отворилась. Нина, идущая сзади, немного смутилась, но, быстро обойдя их в прихожей, направилась на кухню, разогревать принесенный ею завтрак для «нового мужа» своей дочери.

Нина видела: Марго излучает свет счастья, в выражении ее лица появились черты доброты, а сегодня утром, приез-

жая забрать ее к Михаилу, она даже произнесла слова «спасибо» и «пожалуйста».

– Мамулечка, мы идем завтракать! – Услышала она голос дочери из прихожей. – Все, можешь больше не смущаться, мы уже нацеловались.

Марго и Михаил вошли на кухню и сели за накрытый стол.

– Мишанечка мой, я, ведь, тоже не завтракала. Проснулась утром и быстро к маме. Подумала: у тебя ничего нет, ты голодный весь такой... – Она изменила голос, словно разговаривает с малышом. – Одинокий и... любимый. – Женщина улыбнулась и провела несколько раз ладошкой по его утренней, еще не бритой, щеке.

– Ну, хватит уже ласкаться! – произнесла по-доброму и даже с какой-то радостью Нина. – Миша, начинай завтракать, а то все стынет. Марго, и ты оторвись от него на секундочку, поешь горячего.

– Не могу оторваться! Не могу, не могу, не могу от моего сладкого оторваться!! Он же Мишка, и словно медом намазан, так бы и облизала всего с головы до ног!

Они засмеялись, и стали дружно завтракать и весело болтать. Все покатилося на волне удовольствия и теплого семейного общения.

Через полчаса Нина поднялась мыть посуду, Михаил убирал остатки еды в холодильник, а Марго побежала на второй этаж, в туалет.

– Миша, – заговорила Нина, – я вижу, она влюблена, и

ты тоже весь светишься... но только прошу об одном: не делайте так, как это было вчера. У нее есть муж, хороший, порядочный, молодой парень. Ты постарше, и еще неизвестно, как у вас все сложится, поэтому прошу: не торопите жизнь, оглядывайтесь на близких людей и не рубите с плеча. Встречаетесь – ну и ладно, любите – и замечательно, а там посмотрим и поглядим. Хорошо?

– Договорились, – улыбнувшись, произнес Михаил.

– Так, о чем это вы опять за моей спиной договариваетесь, а? – Марго забежала на кухню и, уютно скользнув Михаилу под руку, обняла его.

– Договариваемся о сегодняшнем вечере. Ты, болтушка, все целуешься да обнимаешься, а самого главного не сказала. Мы сегодня все собираемся у меня на ужин, а Мише об этом до сих пор ничего не известно.

– А-а! Да-да-да, Мишанечка, точно! Я совсем забыла! Мы же сейчас с мамой на рынок едем, продуктов к столу купить. Ты что сегодня хочешь вкусненького попробовать? Я для тебя все сделаю! – Она хихикнула, и добавила: – Ну, с маминной помощью, конечно.

– Большую отбивную из телятины, с кровью и поджаристой корочкой, усыпанную сверху колечками золотистого лука. Позавчера, когда я готовил для тебя еду, у меня было именно такое видение.

– Ой, я тоже люблю мясо! Очень-очень. – Марго склонила голову набок и вопросительно посмотрела на мать.

– Дети вы дети, стоите тут в обнимку! Все вам сделаю, только голову не теряйте и сегодня прошу вас обоих: только не смотрите вы так друг на друга за ужином, а то наверняка спадитесь.

Марго и Миша переглянулись, чувствовалось – им хорошо и приятно.

– Мамулик, ты иди в машину, ладно?.. Мы тут еще поцелуемся немного, а потом я тебя догоню. – Женщина взяла Михаила за руку и потянула его в комнату первого этажа.

Нина улыбнулась – жажда любви, исходящая сейчас от дочери, умиляла ее. Она оделась, вышла на улицу и, постояв немного на крыльце, пошла в машину.

– Миш, – произнесла Марго через пятнадцать минут, поправляя на себе одежду, – как ты думаешь: я – сексуальная маньячка?

– Ты! – Он сделал паузу, ее глаза наивно просили ответа. – Да конечно!!

– Это плохо? – Голос ее прозвучал совсем тихо и жалобно.

– Это отлично! Это волшебно и прекрасно!! – рассмеялся Михаил, нежно удерживая ее в своих объятиях.

На улице раздались протяжные и нетерпеливые звуки автомобильного клаксона.

– Мне пора, любимый мой, медвежонок мой ласковый! Увидимся вечером, позвони мне в семь, и я расскажу тебе, как проехать к маминому дому.

Он проводил ее до крыльца. Марго, выйдя на улицу, пома-

хала маме рукой и демонстративно крепко поцеловала Михаила в губы. Сбежав по ступенькам, она быстро подошла к машине, послала ему воздушный поцелуй, изобразив жестами, как сильно текут ее слезы и, показав пальцами цифру семь, села рядом с мамой на пассажирское сидение.

– Счастливая ты, Марго, – заговорила Нина, едва они отъехали от дома Михаила, – все тебе можно, ничего ты не боишься, а главное – совестью не мучаешься.

– Мамулик, – спокойно произнесла дочь, – я влюбилась. А влюбленные грехов не совершают, любовь – это чистота, праздник и счастье. Неужели ты не видишь, как мне хорошо?

– Что тебе хорошо, это я вижу отлично. А вот как насчет твоего мужа? Ты сейчас изменяешь ему, а ведь это – большой грех... – Нина на мгновение отвлеклась от дороги и посмотрела на Марго.

– Муж – это только штамп в паспорте. Настоящий грех – жить с нелюбимым человеком, настоящая нечестность – каждый день притворяться, мучиться самому и терзать его. Поэтому, мам, я уже решила: когда Миша поближе познакомиться с отцом, и они сдружатся, я оставлю Вову. Знаю, ты против. Знаю, сейчас рано говорить об этом. Уверена, что будет много проблем, но жить без Миши я не хочу и не буду! – Она замолчала и, после небольшой паузы, продолжила: – А ты, если любишь меня и хочешь мне добра, будешь мне помогать и перестанешь причитать о морали и грехах. Возьмешь, и вот так просто встанешь на мою сторону и пой-

дешь вместе со мной. – Она улыбнулась, посмотрела на мать и произнесла: – Ты же хочешь нянчить внука на Мальте и кататься на яхте в средиземном море?

Женщины переглянулись и дружно рассмеялись. Мужчина, управляющий синей пятеркой, тоже улыбнулся – запись с направленного микрофона шла чисто, без помех.

Михаил, закрыв за Марго дверь, поднялся на второй этаж и продолжил начатую еще утром работу по дизайнерскому переустройству дома. Двигая мебель, перевешивая репродукции и ковры, он рассуждал вслух. События развивались быстрее, чем он планировал.

– Так... Значит, именно сегодня Марго знакомит меня и с отцом, и с мужем. Семья собирается на ужин и приглашает друга. Атмосфера такого мероприятия должна быть легкой, веселой и непринужденной. Это значит, мне нужно заехать в магазин и купить хорошего, винтажного вина дамам, коньяк нам с папой, а вот с мужем сложнее – по моим данным он практически не пьет. Тортик нужно купить, цветы... – Глеб задумался. – Нет. Цветы, пожалуй, не нужно, а вот какую-нибудь необычную орхидею в горшке – это, можно. Скажу: шел мимо цветочного магазина, увидел красоту и не смог удержаться, купил. Это не банально, и подчеркивает мою сентиментальность. Теперь украшения... Они у меня все на флэшке, а судя по всему, дома у Нины компьютера нет. И как же мне тогда показать им ливанскую ювелирку?.. – Он перестал вытирать пыль и, поднявшись на второй этаж, включил

свой ноутбук.

Монитор компьютера засветился именем пользователя: ворток.

Набрав специальный код, он получил доступ к рабочему столу компьютера.

Папки, совершенно не нуждающиеся в чужом внимании, были разбросаны по всему полю монитора.

– Чтобы взять этот ноутбук с собой, – продолжил рассуждать Михаил вслух, – мне тут нужно немало поработать и еще больше попрыгать. Муж Марго – компьютерный гений... А вдруг его глаз зацепится за что-то другое, кроме ювелирки?..

И Михаил начал переносить всю важную информацию в архив, кодируя случайный доступ к папкам.

Минут через двадцать он, создав слайдовый просмотр фотографий ювелирных украшений, принялся внимательно изучать каждое изделие, стараясь запомнить как можно больше деталей и подробностей их изготовления.

Время летело незаметно, спина Михаила устала, легкая боль между лопатками напомнила ему о необходимости двигаться.

Поднявшись со стула, он подошел к окну и с наслаждением потянулся.

Солнце, уже два дня живущее по ту сторону облаков, двигалось к закату, березы желтели, отдавая листву ветру, висящих за окном яблок уже не хотелось.

Пробегая взглядом соседний лес, Михаил заметил большую хищную птицу, нарезающую плавные круги над макушками деревьев.

Она, поймав потоки воздуха, планировала, как самолет и казалось – скользит в воздухе.

– Красиво, – произнес он. – Чертовски красиво и мудро создает все природа.

Неожиданно с другой стороны леса появилась стайка каких-то птиц, осень гнала их инстинкты в теплые края, и они готовили крылья к большому перелету.

Хищная птица, рассыпая стройность птичьих рядов, схватила свою добычу когтями, и тут же укрылась в кронах деревьев.

– Красавец! – смачно и с выражением в голосе произнес Михаил. – Вот так и нужно работать в жизни! Ни суеты, ни погони, спокойный расчет, и – молодая, глупая добыча в руках. Похоже, кто-то сверху подал мне новый знак... – Он ухмыльнулся. – Что ж, будем считать, что я его увидел и понял.

Михаил достал телефон и позвонил Марго. Записав на бумаге продиктованный ею адрес, он несколько раз поцеловал ее, шумно чмокая трубку и, отключившись, пошел собирать-ся в гости.

Точно в назначенное время, с подарками и ноутбуком, он подошел к квартире Нины и нажал на звонок.

Дверь открыла Марго, она впустила его, помогла снять куртку и, озорно оглядываясь по сторонам, даже успела

быстро поцеловать.

Войдя в большую комнату, где в центре уже стоял накрытый к ужину стол, она сразу повела его знакомиться с отцом.

– Виктор Васильевич и глава этой семьи, – представился папа Марго, протягивая руку для приветствия.

– Михаил Сергеевич, пока глава только своей голове. – Михаил начать решил знакомство с шутки.

– А вот это... – Марго подтолкнула к мужчинам своего мужа. – Мой супруг Вова.

Молодой парень виновато улыбнулся и молча протянул руку.

– Очень приятно, Михаил! – Мужчина, здороваясь, нарочно крепко сжал мягкие, привыкшие только к клавиатуре компьютера, пальцы Вовы.

Нина, как старая подруга, подошла к Михаилу и, приветствуя, запросто поцеловала его в щеку.

– Все-все, рассказываемся! – громко произнесла Марго. – Вова, ты со мной, Миша, ты рядом с папой, а...

– А мама, – перебила ее Нина, – с краю, так как я сегодня подающая.

– Извините, – громко произнес Михаил, – но я тоже хочу быть немножко подающим на этот прекрасный стол.

Он пошел в прихожую и, взяв свои пакеты, вернулся в гостиную.

– Вот, Виктор Васильевич, не знаю, что вы пьете, но, думаю, от хорошего французского коньяка не откажетесь?..

Нина, Марго и Володя, вам – вино. – Он выставил на стол три бутылки Бордо 1998 года. Ну, и хозяйке дома особый подарок за гостеприимство. – И Михаил поставил на стол большой бумажный пакет.

– Что там? – не скрывая своего любопытства, произнесла Марго. – Цветы?

– Цветок, – раскрывая пакет, поправил ее Михаил.

– Боже! Это же орхидея! – Нина подошла к растению и, наклонившись, вдохнула в себя нежный аромат тропиков. – Какая прелесть!! Михаил, я еще никогда не видела фиолетового цвет лепестков, да еще и с белыми обводочками и пятнышками. Фантастика!! Посмотрите, только посмотрите на это чудо!

Все улыбались, радость Нины передалась присутствующим, и компания принялась с настроением наливать и аппетитно закусывать.

Вечер заскользил в намеченном Михаилом направлении, и очень скоро алкоголь загрузил всех ровно настолько, что языки развязались, разговоры и смех перешли на повышенные децибелы, стирая грани первого знакомства.

Виктор Васильевич, имеющий для своего возраста хорошую, спортивную фигуру, постоянно говорил о диетах и специальных программах, выполняемых им в спортивном зале, демонстрируя для убедительности крепкий и плоский живот.

Марго показывала свои дисконтные карты в дорогих ма-

газинах и хвасталась возможностью достать любую модную вещь.

Вова, потеряв контроль над своим телом, много смеялся и пытался шутить по поводу быстро продвигающейся экономики Китая.

Нина, счастливая от похвалы в адрес ее кулинарных способностей и красоты подаренного ей цветка, периодически обнимала Михаила, вызывая тем самым молнии во взгляде дочери.

Но больше и громче всех говорил Михаил, он разрешил себе стать пьяным и раскованным.

Рассказы об охоте на леопарда в Южной Африке, путешествиях по Индии и Ближнему Востоку погружали присутствующих в чувство доброй зависти и собственных мечтаний о турецком побережье средиземного моря и густом, коричневом загаре.

Михаил, видя раскрытые от восторга глаза Марго, удивление и интерес на лицах Нины и Виктора, подпитываемый – после выпитого коньяка ХО – домашним самогоном, улетал в своих фантазиях намного дальше тех мест, в которых бывал в действительности.

Перейдя к чаю и конфетам, все, кроме заснувшего на диване Вовы, заговорили о планах на Новый Год. Виктор Васильевич, подогретый алкоголем и рассказами о приключениях Михаила, предложил отмечать праздник в его родовой деревне.

– Понимаете, – говорил он, – там прошла моя юность! Марго там родилась, река под домом течет... Приедем все вместе, друзей позовем, поросят с гречневой кашей запечем, самогонки выпьем, баньку истопим и на снегу поваляемся. Ну! Давайте!!

– А что, Миша? – подключилась к разговору Нина. – Дом там большой, всем места хватит. Украсим его, елочку нарядим... Марго, ты чего по этому поводу думаешь?

Марго посмотрела на Михаила, какая-то хитрая мысль пролетела в ее голове, и она, хихикнув, закивала головой.

– Вот и отлично, вот и замечательно! – громко подытожил Виктор Васильевич, наливая всем на посошок. – Миша! – Он положил тому руку на плечо и взглянул на Марго. – Девочки мне говорили, у тебя в Москве свой магазин ювелирный? Так им очень не терпится твои изделия посмотреть. Сегодня мы гуляем! Вот, видишь, самогон пьем... – Он поднял рюмку над головой. – А завтра они с тобой встретятся, и вы все между собой решите. Хорошо?

– Конечно! – Михаил улыбнулся.

– Вот, девочки мои, давайте выпьем по последней, а то, ишь, поздно уже. Я, лично, пьян уже до... невозможности.

Все переглянулись, выпили, смачно закряхтели от удовольствия, и пошли провожать Михаила до дверей квартиры.

Марго, прощаясь, поцеловала его так же, как и все – формально. Но, пользуясь толкучкой в коридоре, успела-таки

поймать Мишину руку и, в знак особого расположения, дернуть несколько раз за мизинец.

Михаил вышел на улицу, «Жигули» пятой модели стояли недалеко от подъезда, сырой ветер заполнил легкие. Подняв глаза, в освещенном окне он увидел Марго.

Помахав ей рукой, мужчина поднял воротник и пошел к стоянке такси.

Когда любовник скрылся за углом дома, Марго повернулась к Нине и заговорила:

– Мам, ну скажи, почему так в жизни происходит?.. Ну, что я, полгода потерпеть не могла?! Выскочила замуж, а теперь вот мучаюсь... Миша, он такой хороший, интересный, обеспеченный... Что мне теперь делать-то?.. Поесть, что ли... – Женщина увидела, как Нина убирает в холодильник остатки еды.

– Ничего себе! Марго, ты не наелась? – Нина улыбнулась и поставила перед дочерью голубцы.

– У меня вообще теперь все горит! – продолжила Марго. – Постоянно чувствую, что хочу есть. Любовь эта все калории мои сожгла, напрочь!

– Тише ты говори! – Нина выглянула из кухни в зал. – Твой-то спит, а отец даже и не знаю где – в ванной или в спальне.

– Мам, а давай еще по рюмочке выпьем, а? У тебя там вино где-то белое было...

Нина достала вино и, разлив его по фужерам, присела ря-

дом с дочерью.

— Знаю я все, девочка моя! Вижу, как любовь в тебе клочится и наружу рвется. Это здорово, волшебное это состояние, береги его, не растрачивай... Миша твой очень мне нравится...

— Да уж видела я! — прервала ее дочь. — Ты сегодня опять его обнимала, по плечу гладила. Я все видела!

— Марго, подожди, дай договорю, не перебивай... Так вот. Давай выпьем, чтобы вся эта твоя история хорошо закончилась, без скандалов и потрясений.

Они выпили и поцеловались. Марго, поковыряв мясо в голубце вилкой, почувствовала, как сильно она устала. Женщина поднялась и пошла в спальню матери, ни раздевать своего мужа, ни тем более лечь спать рядом с ним ей не хотелось.

Она легла на кровать, даже не смывая макияжа; потолок кружился и убегал. Последнее, что промелькнуло в ее голове, была мысль: «Ох, не накаркала бы мама по поводу проблем!» Как с мужем, так уже два дня и с Михаилом, она занималась сексом без презервативов.

Нина, разложив все по своим местам, накрыла пледом спящего в зале зятя, заглянула в гостевую спальню, занятую храпящим Виктором, и пошла к себе.

Марго спала, скрутившись в комочек. Над ней, на стене, висела икона Казанской божьей матери. Прочитав молитву, Нина перекрестилась, погладила дочь по голове и, раздев-

шись, легла рядом. Уставшее тело гудело, голова кружилась, но спать не хотелось.

Ей вспомнился ужин, улыбки и разговоры. Размышляя, она поняла, как гармонично и правдиво вошел Михаил в их дружную семью. Ей даже показалось удивительным – как это раньше они жили без него.

Михаил зашел в дом и сразу поднялся на второй этаж. Понимая, что вторую часть вечера он пил абсолютную бурду, и завтра голова может запросто расколоться, как переспелый арбуз, Михаил отыскал в аптечке аспирин.

Запив таблетки, он спустился вниз, разжег камин и устроился на диване. Любуясь огнем, он захотел немного порассуждать.

Виктор Васильевич ему понравился. Странная, яркая и обтягивающая одежда дорогих производителей говорила о желании показать свою обеспеченность и подчеркнуть стройность фигуры.

Крашенные волосы и постоянные разговоры о диете и тренажерах выдавали его намерения нравиться женщинам и себе, а скорость, с которой Виктор перешел к панибратскому похлопыванию по плечу, вообще была прекрасной перспективой их дружеских, а в последующем – и деловых отношений.

Он положил в огонь еще дров и, накрывшись пледом, решил сегодня ночевать на диване.

Огонь приятно грел лицо, все в его голове складывалось и получалось.

«Теперь, – подумал он, засыпая, – мне нужно просто жить, ходить в гости, общаться, любить Марго и – ждать. Ждать того самого удобного случая, который позволит мне так же красиво, как это сделал сокол на границе леса, взять в когти свою добычу и улететь далеко-далеко...»

Часть 2

Прошло три месяца

В спальне было тихо, вакуумные окна хорошо поглощали звуки улицы, а скользящий по стене свет фар проезжающих по проспекту машин, проникая в комнату, периодически освещал стоящий на столе компьютер. Часы на стене показывали половину второго ночи.

Михаил ждал. Впервые за три месяца его знакомства с отцом Марго он ночевал у Виктора дома, и сразу – такая удача. Нет, он, конечно, планировал, думал и надеялся, что, попав в квартиру Виктора, ему удастся покрутиться у рабочего стола, случайно заглянуть в компьютер, но о том, что его положат спать в кабинете, Михаил даже и не мечтал.

Вслушиваясь с тишину квартиры, он осторожно поднялся. Маленькая, красная флэшка на четыре гигабайта, похожая на брелок для ключей, тихонечко вошла в порт старого компьютера.

Когда монитор засветился, Михаил улыбнулся – доступ к программам оказался даже не закодирован. Радость всколыхнула его сердце громким и напряженным стуком, волнение и азарт смешались с легким страхом и он, периодически

ски поглядывая на входную дверь кабинета, начал копировать все подряд, включая Интернет-почту и семейные фотографии.

Через двадцать минут Михаил вернулся обратно в постель. Стараясь успокоиться, он сделал несколько глубоких вдохов, но адреналин и состояние радости от пришедшей удачи носились в его голове, будя шальные мысли и планы.

Заставляя себя уснуть, он решил переключить сознание на размышление о Марго и ситуации, которая стала складываться между ними в последнее время.

– Так, – сказал он сам себе шепотом, – и что же происходит с моим ангелом? И что происходит с нашими отношениями? – Михаил замолчал и, удобно положив руки под голову, вперил взгляд в потолок. Воспоминания вернули его в прошедшую осень и начало зимы. Тогда Марго парила над землей, ловила каждый его взгляд, засыпая, крепко обнимала, словно боялась, проснувшись, больше его не увидеть. Они встречались каждый день, занимались любовью, сидели у камина и мечтали о счастливом будущем.

Не особенно шифруясь и прячась от посторонних, они периодически попадали в забавные истории и случаи, находясь на грани разоблачения своей любовной связи.

Виктор часто, с хитринкой поглядывая на сияющую улыбку своей дочери и дорогие бриллиантовые украшения, появляющиеся на ней с завидным постоянством, складывал у себя в голове этот несложный пазл и многозначительно мол-

чал.

Нина просто помогала им встречаться, часто оставляя ночевать у себя, создавала алиби для дочери и вкусно кормила вечно голодных влюбленных...

Неожиданно Михаил отвлекся от воспоминаний: в коридоре, за дверью его спальни послышались шаги. Виктор, видимо, подгоняемый предстательной железой и желанием освободить свой мочевой пузырь, прошаркал в туалет. Михаил приподнялся на локте, вслушиваясь в тишину квартиры. Через пару минут снова раздались звуки шагов возвращающегося обратно в спальню Виктора.

– Поздно, проспал ты, дружок! Я уже все сделал.

Радость, что «маленькая нужда» не подняла Виктора в тот момент, когда он копировал файлы, снова запрыгала в нем хорошим настроением и отсутствием всякого желания спать.

Повернувшись на бок, он взбил подушку и, найдя для себя удобное положение, продолжил вспоминать.

В октябре Марго, хитро обыграв ситуацию с мужем и отцом, смогла на три дня вырваться и поехать вместе с ним в Москву.

Путешествие началось с интриги и состояния опасности. Вова, в последний момент решив помочь своей жене, вызвался сам отвезти ее к поезду и посадить в купе.

В машине, по дороге к вокзалу, она умудрилась отправить Михаилу сообщение и предупредить о провожающем муже.

Сейчас он лежал и тихо подсмеивался над самим собой и

произошедшими тогда событиями.

Получив смс, Михаил как ужаленный закрутился по СВ, забирая свои вещи и уже выставленную на столик текилу. Уйдя в противоположный от входа тамбур вагона, он, очистив на запотевшем стекле маленькое окошечко, стал с волнением и напряжением всматриваться в людей, идущих по перрону. Время отправления приближалось. Голос старшего по поезду уже предупредил провожающих, а Марго и ее компьютерного гения до сих пор не было. Нетерпение и переживание заполнило все его сознание, секундная стрелка вышла на последний, финишный круг, когда его ангел вместе с мужем подбежали к вагону. Михаил не видел сцены их прощания, – угол его обзора не позволял этого сделать, но уже через несколько секунд поезд тронулся, и фигура машущего руками Вовы медленно проплыла перед ним и осталась сиротливо стоять на пустой, утопающей в осенней сырости, платформе.

Открыв дверь купе, он тут же поймал в свои объятия смеющуюся Марго. Она была возбуждена и игрива одновременно. Проводница, постучав в купе, с лукавой улыбкой понимания происходящего отметила их билеты и удалилась. Михаил вернул на стол бутылку текилы и стал выкладывать еду. Марго переодевалась в нарядный спальный костюм и кокетливо кривлялась прямо перед его лицом, дразня его воображение легкой прозрачностью своей одежды.

Долго выносить такой близости, ее соблазнительного и

жаждущего тела он не смог и, отложив приготовление ужина, Михаил защелкал замками входной двери и тумблерами выключателей света.

В тот вечер они так и не поели, а поезд, смешав вместе стуки колес и их счастливых сердец, вскоре погрузил их в сон.

Утром, на подъезде к Москве, их разбудил такой ненужный и даже раздражающий стук проводницы. Они, подхватившись словно ужаленные, стали закидывать свои вещи и нетронутую еду обратно в сумки.

Михаил повез ее к своим старым друзьям, на другой конец родного города. Случайности ему были не нужны, неожиданные встречи с родственниками, и тем более – с родителями, не входили в намеченные планы. Он, тщательно продумывая каждое их перемещение, два дня водил ее по ресторанам и магазинам вдали от привычных и любимых ему в Москве мест. В ювелирный магазин, представленный Марго как его собственность, они отправились в последний, третий день пребывания в Москве. К его удивлению он не произвел на нее какого-то особенного впечатления, однако очередное кольцо, сделанное в арабском стиле, с гранатового цвета бразильским турмалином и кулон с бриллиантами, выполненный в виде сердца, согрели ее настроение и она, периодически поглядывая на свои новые подарки, даже согласилась сходить в музей.

Поэтому, выйдя из магазина, он потянул ее в Третьяков-

скую галерею. Наняв персонального гида, они долго бродили по залам, слушая экскурсовода, любовались картинами и держали друг друга за руки, чувствуя, как нежность и любовь живет в их сердцах.

Вечером, усталые и довольные насыщенным проведенным днем, они зашли в купе поезда, уходящего обратно в Брест.

Михаил вздохнул. Повернувшись на другой бок, он ощутил, как на смену радости от грамотно выполненной работы приходят воспоминания о Марго, и перекрашивают его настроение в краски сожаления и неминуемой утраты. Все хорошее, что было между ними тогда, уходило в историю и стиралось, уступая место ее неудержимому желанию жить красиво любой ценой и любыми способами. То, что сейчас происходило между ними, огорчало его. Глаза того ангела, который прощался с ним на перроне брестского вокзала, и взгляд нынешней Марго разделила пропасть, которую он сам так усиленно копал в последнее время, подпитывая ее пороки деньгами и драгоценностями.

Мужчина посмотрел на окно. Робкий, красноватый, зимний рассвет слабыми лучами проникал в комнату, ночь уходила. Маленькая стрелка настенных часов приближалась к семи.

Спать уже не имело никакого смысла.

Теперь он чувствовал – задача, которую он сам себе поставил в самом начале их сближения, была им выполнена и даже перевыполнена, но удовлетворения, а тем более – удо-

вольствия от этого он не испытывал. Он понимал – время и отношения, складывающиеся с Виктором, приближают его ко второй части плана, а холодность и расчетливость, вернувшаяся к Марго, позволит ему оттолкнуть ее от себя, забыть и перестать мучиться, прислушиваясь к голосу совести и жалости. Ниточка, которую он сейчас, лежа в постели, потянул в своих размышлениях о Марго, была для него словно спасительная нить Ариадны, указывающая, в каком направлении ему двигаться, вытесняя любовницу из своего сердца и головы.

Стук в дверь отвлек его от печальных мыслей, и в открывающемся дверном проеме возник Виктор.

– Ну, что, не спишь уже? Давай-ка будем уже вставать! Иди, умывайся и приводи себя в порядок, а я приготовлю овсяную кашу с сельдереем и выжму свежего сока.

Виктор вышел так же быстро, как и появился.

Михаил поднялся. Голова была немного не своя, бессонная ночь не добавила ему бодрости, и мужчина несколько раз зевнул.

Приняв душ, он вышел на кухню, к накрытому столу. Беглого взгляда было достаточно – хозяин педант и аккуратист. Все кухонные принадлежности занимали свои, строго отведенные места, чистота и порядок жили в каждом углу. Присев на указанное хозяином место, и с интересом разглядывая встроенную технику и кухонные агрегаты, Михаил заметил, как лицо Виктора светится гордостью и счастьем.

– Я эту квартиру и эту кухню сам перестраивал, и сам все сюда покупал, – заговорил первым Виктор, разливая чай по прозрачным стаканам. – Вот, смотри... – Он достал из корзинки журнал. – Еще восемь лет назад мою квартиру демонстрировали в разных изданиях, как эталон роскоши и красоты.

Михаил, подвинув к себе тарелку со странноватой кашей из сельдерея, сразу же, по характерному залому, нашел нужную страницу в журнале и, придав своему лицу выражение заинтересованности, принялся рассматривать фотографии.

– Ковер персидский видишь? Там, в зале лежит, шестьдесят тысяч долларов заплатил – настоящий шелк. А мебель, мебель какая – посмотри! Амбир! Практически из будуаров французских королей. Да что мы сидим-то тут! Отложи свою кашу, да пойдем в зал – я тебе все и так покажу.

Гостиная оказалась действительно – словно сошедшая с фотографий в журнале. Высокие потолки подчеркивала чешская люстра ручной работы, большие окна создавали объем помещения и дарили ощущение простора, а белая мебель и гармоничные тона гобеленов говорили о хорошем вкусе человека, создавшего этот интерьер.

– Красиво! – впервые за это утро заговорил Михаил. – Виктор, а у тебя есть способности к дизайну. Видно, что достаточно дорого и достойно, ничего лишнего и вульгарного. Ты просто молодец!

– Эта квартира, словно мой ребенок. Я столько труда, де-

нег и сердца вложил в эти стены – ты даже представить себе не можешь. Пример тебе приведу, ты только задумайся: здесь не было ни одной женщины. В спальне, на кровати, никто, кроме меня, не лежал. Конечно, после ухода от Нины у меня были подружки, но сюда я не пускал никого.

Пример показался Михаилу очень странным.

– А где же ты с ними встречался?

– Пошли на кухню, завтракать. Не хочу с утра портить себе настроение воспоминаниями об этих молодых «лярвах»! – неожиданно нервно и раздраженно произнес Виктор.

Вернувшись к столу, Михаил стал пробовать диетически полезное творение хозяина дома, на самом деле оказавшееся весьма приятным на вкус.

– Знаешь, – снова заговорил Виктор, – не могу понять, что этим девкам надо! Я богатый человек, квартиру ей купил в центре города, машину, которую она пальцем в журнале выбрала, а она...

На кухне воцарилась тишина, Михаил перестал есть и поднял на Виктора глаза. Желваки на его скулах ходили ходуном, злой румянец покрыл пятнами шею, пальцы сильно мяти чайную ложку, – казалось, еще немного, и он согнет ее.

– ...Сука! Изменяла мне, да еще потешалась! Обсуждала меня в компании своих малолеток. А когда я узнал об этом, то решил: поговорю, пойму ее, но в ответ услышал холодные и циничные слова, типа «я буду жить так, как мне нравится, и спать буду с тем, с кем захочу!» Представляешь?! – Он

замолчал. Чувствовалось, что отчаянье и обида живут в нем до сих пор.

– Витя, ну, ты нашел, что в канун Нового-то Года вспомнить! – Михаил придал голосу и лицу выражение товарищеской поддержки и участия. – Сейчас поедem к тебе в деревню, попаримся, выпьем водки и пошлем на... всех этих пустышек. Сам попадал в похожие ситуации. Влюбишься так, знаешь, напрочь... Не замечаешь ничего, наслаждаешься только близостью с ней, а потом – бац – и черная пустота.

– Слушай, Миш, а давай с утра накатим... Закуски у меня, правда, мало, но домашней настойки целая трехлитровая банка. Мать в деревне делала – вишневая, крепкая, градусов шестьдесят. Башку сносит, только дай!

– А что, и давай посидим! Сегодня только двадцать девятое, до Нового Года еще три дня, успеем и елочку в твоem доме поставить. Завтра проснемся, да и поедem.

– Ну и отлично! Так давно хотел с настроением напиться! Ты не представляешь, какие нервы трачу на этой долбанной работе... – Виктор поднялся и стал все, что было похоже на закуску, выставлять из холодильника на стол. – Дураки одни окружают! Никому ничего поручить нельзя, обязательно испортят или украдут. Сейчас, например... – Он разлил по рюмкам настойку. – Нужно выгнать одного подставного учредителя, совсем оборзел! Денег больше хочет.

Они подняли рюмки и, чокнувшись, выпили.

– Там и так, в этой компании, засада – долги, налоги не

уплачены... Теперь еще и этот «Фунт» подставной голову мне морочит!

Михаил поставил на стол пустую рюмку, настойка действительно была крепка.

– Наливаем-наливаем! – повторное наполнение рюмок Виктор сопровождал возгласом. – Ты-то чего сегодня молчишь, Миш? Угрюмый какой-то... Поделись с другом: чем мучаешься?

– Мучаюсь! Да нет, не мучаюсь... Правильней сказать, от безделья изнываю. Ты, вот, работаешь, ругаешься, злишься, живешь полной жизнью, а я сижу тут, в Бресте этом, и единственная моя радость – это твоя семья. – Михаил вздохнул и, не чокаясь, выпил рюмку залпом. Интонация, с которой он произнес этот монолог, понравилась ему самому.

Виктор сделал то же самое, и тут же разлил по третьей.

– Не понял... Ты ж мне сам говорил: хочешь магазин ювелирный открыть, бизнесом тут заняться... О! Чувствуешь – потекло тепло организму! – Он провел ладонью по груди. – О, как пробирает! Давай-ка еще вдогоночку... – На этот раз они чокнулись и смачно крякнули от удовольствия и крепости настойки.

Виктор, прогнувшись в спине, потянулся и взглянул на часы.

– Хорошо-то как, Мишаня! Еще утро, а уже хорошо. Наливай теперь ты, а то я сейчас проливать буду наш ценный напиток мимо рюмок.

Выпив четвертую и пятую, они дружески приобнялись и опять вернулись к разговорам о женщинах.

– У меня, вот, тоже – пока как-то не склеивается... – Михаил посмотрел на пустые тарелки, закусывать уже было нечем. – Вот, мне уже за сорок, а ни жены, ни детей нет... Что дальше будет – не знаю! Рок какой-то преследует – нравятся одни замужние.

– Да что это ты, Мишенька, запричитал... – Виктор, еле удерживая голову, поднял на Михаила взгляд. Выражение его лица было по-детски наивно. Казалось, он сейчас и сам растрогается и заплачет от искреннего желания помочь своему другу в личной жизни. – А-а-а! Про замужних – это я понимаю, о чем ты говоришь! Это ты про Маргошечку, дочечку мою единственную. Все вижу, ты не думай... – Улыбаясь, он погрозил Михаилу пальцем и, кивнув головой, чуть не упал со стула. – Те-те-те! Я нормально, спокойно ты... Давай еще по рюмочке, и я на диванчик пойду. А Маргошка-то тоже тебя любит! Потому делайте, чего хотите... Мне, поверь, все равно, с кем она жить будет – с тобой, с мужем... Лишь бы ей, девочке моей, хорошо было! Понимаешь? – Виктор поднял глаза на Михаила, взгляд его не держался и уплывал. – А работа... Будет тебе работа, наливай! Поставлю тебя учредителем вместо этого фунтика-шпунтика... Внесешь двадцатку зеленую в уставной фонд и станешь моим партнером. – Он выпил и сморщился – крепкая наливка пошла колючим «ершом». – А может, если моя девочка пожелает, так и не

только партнером, но и моим зятем будешь! – Он засмеялся, достаточно быстро поднялся и, слегка покачиваясь, ушел в свою спальню.

Михаил остался сидеть в тишине кухни. Настойка тоже изрядно нагрозила его тело алкоголем, но голова, оставшаяся светлой, продолжала работать, анализируя брошенные Виктором фразы.

Все получалось и складывалось очень удачно. Внутри него взметнулось и заерзало нетерпение и желание как можно быстрее получить компанию и начать за нее бороться, наконец-то раскрыв игру.

Сложив посуду в раковину, он почувствовал голод, но поиски еды не увенчались успехом. Подойдя к окну, Михаил стал смотреть на проезжающие машины и медленно падающий снег. Бегущие огни реклам и новогоднее оформление проспекта создавали приятное ощущение приближающегося праздника.

Он достал свой телефон, пропущенных звонков не было. – Да, все поменялось, – неожиданно громко для себя самого выговорил Михаил. – Раньше звонила десятки раз за день, приезжала, еду привозила... – Он сглотнул слюну. – А теперь – тишина. Неужели это конец, неужели так быстро проходят отношения, так быстро сгорают чувства, которые еще совсем недавно лишали разума и покоя?.. Эх, опять в моей голове какая-то каша. – Он сильно почесал себе затылок, и мысленно произнес: «Планирую отобрать семейный

бизнес и стою, горюю об утраченной к себе любви человека, который уже через месяц будет ненавидеть меня и может, даже желать моей смерти».

Михаил прошел в прихожую, оделся и отправился на улицу в поисках маленького рестораника.

Утро этого же дня застало Марго у себя дома в теплой постели. Открыв глаза, она слышала на кухне беготню Вовы, готовившего ей завтрак. Вставать не хотелось, лежать тоже, и она, дотянувшись до тумбочки, взяла телефон и набрала Нину.

– Мамулечка, привет, чем занимаешься? – Женщина немного приподнялась на подушке и заняла более удобное для разговора положение.

– Здравствуй, ты сегодня рано проснулась. Не спится, что ли?

– Ой, и не знаю даже, чего хочу... Думаю, может, одеться и к тебе приехать, шубу свою новую показать, поболтать, винца попить?.. Не знаешь, как там мужички наши, уже выехали в деревню? Позвонить им, что ли?..

– Не надо, Марго, не звони. Там отец рядом, услышит еще, как ты с Мишей чирикаешь, потом лишние разговоры будут. Сама давай приезжай, позавтракаем. Я блинчиков напекла, и колбаска у меня вкусная есть.

– Ладно, сейчас приеду. Жди.

Марго положила трубку телефона, встала и, набросив халат, вышла на кухню.

– Масик мой проснулся! Доброе утро! Я завтрак приготовил, печенье твое любимое овсяное вчера в магазине купил... Иди, умывайся и приходи, посидим вместе, пообщаемся наконец-то без спешки, – мне сегодня на работу не нужно, целый день могу с тобой провести.

– Здрасти, приехали! Что ж ты мне раньше-то не сказал – вечером например – что у тебя выходной. Я, не могу расслаживаться! У меня миллион дел намечен, мама ждет, ей помочь нужно... Нет, Вовчик, дорогой, не сегодня. Ты вообще представляешь, сколько у меня всяких дел перед Новым Годом?! Кофе наливай, а я сейчас пойду приму душ, быстренько оденусь и вернусь к тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.